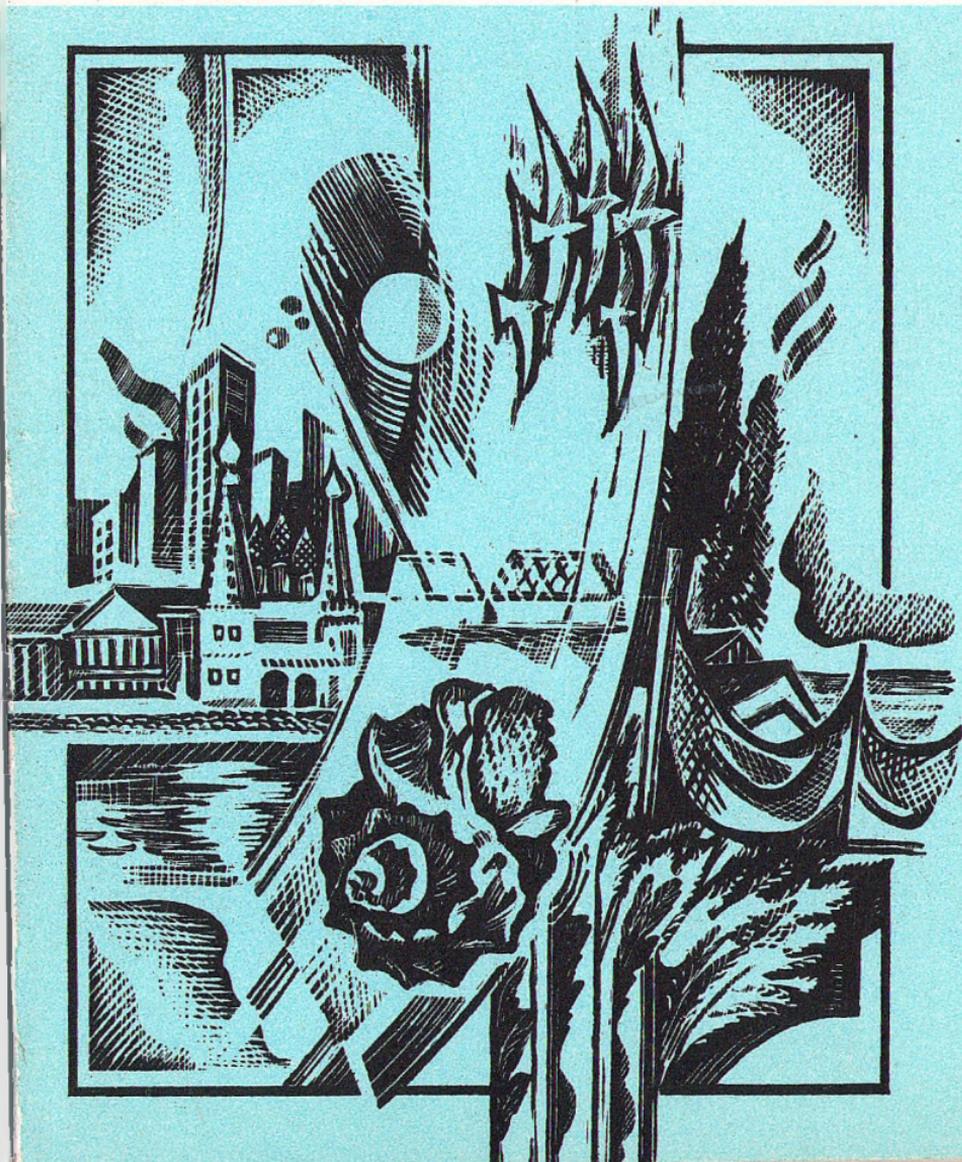

*Элла
Марченко*

Пропуск в море

Э. Марченко ✦ ПРОПУСК В МОРЕ

Стихотворения
и поэмы

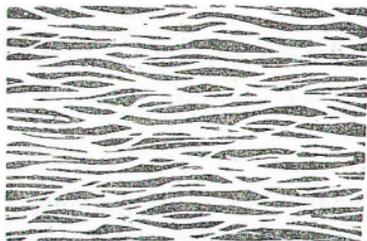
ЯРОСЛАВЛЬ
Верхне-Волжское
книжное издательство

1987.

Эмма
Марченко

Пропуск
в море

Стихотворения
и поэмы

P2
M30

Рецензент М. Г. Вапяшова,
кандидат филологических наук

Марченко Э. В.

M30 Пропуск в море: Стихотворения и поэмы. — Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1987. — 207 с.

60 коп.: 5000 экз.

В новую книгу Эммы Марченко включены произведения, посвященные Волге и Ярославлю — городу, где она живет и работает. Здесь стихи об отце, павшем в годы Великой Отечественной, о Черном море, с которым связано нелегкое детство поэтессы, о нашем современнике, возводящем новые города, бороздящем морские и речные просторы. Взволнованным чувством проникнуты строки о любви, о природе, о необходимости беречь и понимать ее.

M 4702010200—37
M139—(03)—87 36—87

P2

© Верхне-Волжское книжное издательство, 1987

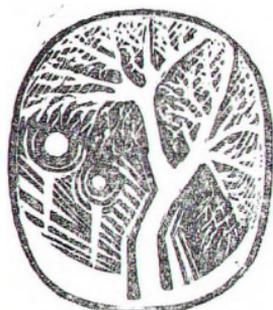
**Все, чем жила
и чем живу**

Я подраставшею девчонкой
На Черном море прожила.
Упрямо, с выгоревшей челкой,
Я счастья у моря ждала.

Мечты и острые ключицы,
И общежития тепло.
Мне довелось в Москве учиться —
Мечта сбылась ли, повезло?

Все было: радости, печали
Дальнейшей жизни без прикрас.
На волжском северном причале
О счастье грезила не раз.

И лишь признав своей судьбою
И юг, и север, и Москву,
Смогу назвать самой собою
Все, чем жила и чем живу.

Стрежень

ЯРОСЛАВЛЬ В СНЕГУ

Я светлый образ в сердце берегу:
У зимней Волги Ярославль в снегу.

Над Волгою крутые берега
Смягчились, облаченные в снега.

А городские площади белы,
Как для гостей накрытые столы.

Во всех трамваях окна изо льда,
Белы деревья, крыши, провода.

И лишь красна морозная заря,
Как праздничный листок календаря.

ДИВНАЯ ГОРА

Я покидала городок: пора,
Пора давно в обратную дорогу.
Опять холмы и Дивная гора
Меж ними где-то,
В стороне немного.
Там, говорят,
Над Волгою леса
Еще стоят былинные, густые:
Где облака — темней там полоса,
Где солнце — изумрудно-золотые.
Растаяли надолго
Купола,
Вязь на домах старинного квартала.
Но снится ночью Дивная гора,
Которую я так и не видала.

Если правда, что на расстоянии
Мысль передается иногда,
На тебя пролет свое сиянье,
Сна лишая, поздняя звезда.

Ты протянешь к книжной полке руку
И вздохнешь тревожно: нет, не то...
И начнешь звонить зачем-то другу,
И накинешь на плечи пальто.

Будет сердца стук, как гул набата.
Тень твоя метнется на стене.
Ты пойдешь по спящему Арбату,
Как по заколдованной стране.

Под холодным взглядом манекенов,
Под огнем изменчивых реклам...
Словно встречи ожидая с кем-то,
Будешь ты смотреть по сторонам.

Но пока ты глаз моих не вспомнишь,
Голоса не вспомнишь моего,
Не зови ты никого на помощь,
Не придет она ни от кого.

Тонкий месяц выплывет к зениту,
Промелькнет такси и — тишина...
Словно стрелка компаса к магниту,
Мысль моя к тебе устремлена.

ГЛАЗА ДРУГА

Я не о том совсем, какого цвета,
Хотя не скрою — у него они
Подобны небу в Подмосковье летом,
Когда стоят безоблачные дни.

По отклику в себе, что не обманет,
Я, с ними встретясь, вскоре поняла,
Что их доброжелательным вниманьем,
Как тишиною лес, напоена.

БЕЛОГРИВАЯ ТРОЙКА

Словно нет впереди городов,
Словно спят под снегами деревни...
Украшает пушистый покров
У железной дороги деревья.
Скорый поезд наш словно скользит,
Пробегаёт лыжнею стальною.
А вдали, а вдали и вблизи
Только снежные хлопья стеною.
Впереди ни звезды, ни зари:
С белым снегом дорожная встреча.
Полустанок зажжёт фонари —
Это значит, что близится вечер.
Поезд делит поля пополам,
Принесла проводница постели.
Но летит без дорог по полям
Белогривая тройка метели.
Обгоняя вагоны, летит:
Кони мимо окна промелькнули,
Полумесяцы звонких копыт
Вновь мороз подковал накануне.
Поезд времени словно не в счёт,
День забылся, идущий на убыль.
И волнует, как встарь, и влечёт
Удила закусившая удадь.

В ИВАНОВЕ

Я заблудиться в городе хочу.
Брожу я по Иванову впервые
И радуюсь осеннему лучу,
Упавшему на улочки живые.

Мне нравится упрямая трава
И ранний снег на берегу покатом.
Недвижная речушка чуть жива
И тщетно согревается закатом.

Домов кирпичных красные бока
И красные от холода осины.
Мне кажутся все эти облака
Густым дыханьем фабрики текстильной.

А улица стремительно пряма!
Она сегодня молода настолько,
Что здесь сплошные новые дома,
Сплошные незаконченные стройки.

То деревянный домик во дворе,
То здание большого института.
Мне нравится, что город, как в игре,
Взял старое и с новым перепутал.

ТКАЧИХА

Все шумит вокруг, шаги ее лишь тихи,
И движенья сноровистые легки.
— Не скучаем, не скучаем у ткачихи, —
Торопливо повторяют челноки.

И снуют туда-сюда под строгим взглядом:
Глянь — покажется, ведут секундам счет.
Нитка с ниткой, нитка с ниткой, видишь,
рядом
Белострунно и настроенно течет.

Эти звуки, эти стуки-перестуки,
Постоянное дыхание труда.
Промелькнут и узелок завяжут руки,
Если нитка оборвется иногда.

И сплетаются поправленные нити,
Ткань широкая течет из-под руки.
— На ткачиху вы взгляните, вы взгляните
На ткачиху, — повторяют челноки.

А ткачиха так внимательно, так строго,
Так заботливо склоняется к станкам,
Словно жизни бесконечная дорога
Тканью белую течет к ее ногам.

Разгадана, развенчана она.
Голубоватый свет ее — не тайна.
Теперь никто не скажет: «Ах, луна!»
Ведь это было б сверхсентиментально.

Но Млечный Путь, как снежная метель,
Глядит в окно, холодный и ветленный.
Но луч звезды упал в мою постель,
И нет мечте предела, как — Вселенной.

Ты улыбкой, как солнышко, брызни,
Выходя поутру из ворот, —
Понимаешь, у каждого в жизни
Предостаточно будних забот.

Разве любви нам хмурые лица
Или чья-то сердитая речь!
Ты улыбкой сумей поделиться
И ответную искру зажечь.

Чтобы, взглядом тебя провожая,
Отрешались от мелочных дум.
Чтобы тронула радость чужая
Даже тех, кто душою угрюм.

Понимаешь, на целой планете
Ничего замечательней нет,
Чем улыбка, которая светит,
Чтоб другая светилась в ответ.

НА ОСТРОВЕ

Так замкнут остров пограничный,
Так невелик, что мы с тобой
Как будто во владеньях личных,
Нам презентоваанных судьбой.

Теперь от моря, от форпостов
Не оторвать счастливых глаз!
Он словно ждал нас, этот остров,
Вот в этот день, вот в этот час.

И потому решили люди
Вдвоем оставить нас — вдвоем,
Где дальнобойное орудье
Молчит — немое под чехлом.

Где охраняют наше чувство,
Застыв на рейде, корабли.
Пришедшей нежности учусь я
Здесь, на краю родной земли.

Суровый остров тих и светел —
Везенье подало сигнал,
Чтоб ради нас соленый ветер
Сегодня тучи разогнал.

И опять, опять простор великий,
На лугах весенние цветы...
Есть во мне хоть малая толика
От твоей, Россия, красоты?

Или все волнецыя и тревоги
У меня
    лишь о себе одной,
И напрасно щедрые дороги
Расстилала ты передо мной,

На хлебах своих меня растила
И дарила по утрам зарю?
Я стою перед тобой, Россия,
Как на исповеди, говорю:

Если для себя желаю славы,
Если завелась во мне корысть,
Ты лиши меня святого права —
О тебе, Россия, говорить.

ПОЕЗД ИЗ ХАБАРОВСКА

Он весь в пыли. Он весь в подтеках.
Он только прибыл на вокзал.
Но смотрят из-за тусклых стекол
Нетерпеливые глаза.

Москва! Платформы. Электрички,
Блестящие от чистоты.
А поезд от ветров коричнев,
И к поезду несут цветы.

ВЕЛИКАН

Разлученный с тишиной
Город, едущий, идущий,
До чего же ты большущий,
А всего лишь областной!

Шум на улице — рекой
Без общения с природой,
И ругают всенародно
Твой характер городской.

Я от споров далека,
Но сказать всегда готова
Ненавязчивое слово
О тебе, мой великан.

Я тебя не осужу,
Пусть собою быть мне трудно
В этой гуще многолюдной,
Но ведь к ней принадлежу!

ЛЕСТНИЦА

А женщина, что лестницу в подъезде
Обычно мыла, поразила всех:
— Вам угождать, — сказала, — много чести,
Я оформляюсь на работу в цех.

Мы обсудили общую заботу,
И снова воцарилась тишина.
И вот уже «вела» свою субботу
Высокого начальника жена.

А у соседки этажом повыше
И стирка, и готовка про запас.
Но муж с метелкой на площадку вышел,
А телевизор выключил на час.

У модницы Наташи от напасти
На личике отчаянья печать.
Ведерком брякнув, вымолвила: «Здрасте!» —
С тех пор соседей стала замечать.

И даже тот, с утра обычно хмурый,
А к вечеру неясный, как туман,
Не уронил на лестнице окурок,
А положил задумчиво в карман.

ПЕРЕУЛОК

Столбы да провода —
Обычный переулок.
Но в нем стоит всегда
Горячий запах булок.

И кажется — хрустит
Его душистый воздух.
Здесь сходятся пути
Машин к хлебозаводу.

Он спит под шорох шин,
Он от моторов гулок.
В нем даже от машин —
Горячий запах булок.

ДОРОГА

А чай печальный — отрадой,
На кухне поданный, ой, вкусен!
— Вы, что ж, к Марусе всей бригадой?
— Мы всей бригадою к Марусе!..

А из окна видна немного
Асфальта стынущая жила.
Преображенная дорога
Не зря по городу кружила.

Сегодня свежая накатка
Легла от нас до поворота,
Вся отутюженная гладко,
И продолжается работа.

Свернула за угол дорога —
Асфальта стынущая жила.
Их эта вечная морока
Бесповоротно подружила.

СВЕТ В НОЧИ

А в темноте напротив, где стена, —
Ночной, непроницаемой, пустынной —
Зажегся свет и словно глыбу сдвинул,
Вдруг обозначив глубину окна.

Не гаснущий в крошечной темноте
Свет этот яркий, заключенный в раму,
Почудилось — возник в пространстве прямо,
Фантастике подобен и мечте.

Но в замкнутом оранжевом краю
Растаяли плоды воображенья:
Там чье-то деловитое движение,
Там кто-то глянул в сторону мою.

Я спохватилась: тоже не секрет —
Свет в комнате моей, прикрытый шторой,
Он жаждет, как любой огонь, простора,
Пока окно не погасил рассвет.

УТРО

Я, перед тем ругая стужу
И не ища во зле добра,
Воспрянула — едва наружу
В потемках вышла со двора.

От снега, выпавшего за ночь,
Свет возникал, как из земли,
Так заразителен, казалось,
Что всюду окна рассвели.

Дверные дрогнули затворы,
И ясно было вдалеке,
Что говорили светофоры
На лаконичном языке.

И я легко с простором этим
Дышала воздухом одним,
И ранних путников заметив,
И ощутив причастность к ним.

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ

На полях
И на стройке
Ходили грачи,
Так блестяще-черны,
Как на сценах рояли.
Здесь на льдинке тончайшей
Играли лучи,
Там в воде по колено
Осины стояли.
И взлетали грачи,
Гомонили они,
Вновь, как всякая радость,
Немного нежданно.
И казалось, что рады
Началу весны
Даже стены домов
И подъемные краны.
Прошлогодними травами
Пахло с полей,
И кружились грачи
Над землею согретой.
И казалось,
Что нет ничего веселей,
Ничего нет светлее
Их черного цвета.

Душа, как суверенная держава,
 Высоких чувств возводит города.
 Я думаю, столицей величавой
 В ней может быть, конечно, Доброта.

Большими городами — Чувства Долга,
 Товарищества, Верности, Любви.
 Создать в ней стоит городок Восторга,
 В котором не смолкали б соловьи.

Пусть будет много городов державных,
 Так много, что их все не перечесть.
 И среди них один из самых главных —
 С названьем Человеческая Честь.

Пусть процветает город Светлой Грусти
 С полуночной задумчивостью стен.
 А Зависть превратится в захолустье,
 И Злость покинут жители совсем.

Так пусть, как суверенная держава,
 Душа возводит мир особый, свой.
 Пусть будет в ней всего одна застава,
 Где Честность — неподкупный часовой.

Встреча с отцом

ЗВЕЗДА

Тень отца витает надо мною,
А ведь столько лет с войны прошло!
Но могила с красною звездою,
Словно шлем, скрывающий чело.
Память, снова уподобясь чуду,
Возвращает мне его черты.
Так ракета, вспыхнув на минуту,
Вырывает степь из темноты.
Так она, вися над горизонтом,
Освещает дальнее село...
Помню все, что написали с фронта
Об отце товарищи его.
Что Отчизну заслонил он грудью,
Что мечтал в то утро, до стрельбы,
Чтобы жизнь моя своею сутью
Повторила суть его судьбы,
Чтоб моих решений и свершений
Трусость не коснулась никогда...
С каждым годом для меня священной,
Памятней отцовская звезда.

ПАПИНЫ ПИСЬМА

Шла с фронта полевая почта,
Тепло солдатских рук храня.
Я помню крупный папин почерк
В коротких письмах для меня.

И помню ночь. Длинные минуты.
Как стоны, мамины шаги.
И помню, шла я в школу утром
И знала: папа наш погиб.

И я крепилась еле-еле,
О горе думая своем.
А письма папины в портфеле
Лежали вместе с букварем.

ПОДАРОК

В магазине туфли в три ряда,
Узкие носы на полках с краю.
Я подарок маме выбираю,
А она уже не молода.

И нужна ей обувь, чтоб не жала:
Не следят за модой старики.
Разлюбила мама каблуки,
Да и не привыкла к ним, пожалуй.

Молодость была ли? Седина
Да морщинок маминых усталость...
Но навечно в памяти осталась
Та послевоенная весна.

Поезда вернулись из Германии,
А отец наш
В братской спал могиле.
Туфли, предназначенные маме,
Покупали женщины другие.

А сегодня мамин день рождения,
Мне б печаль стереть с ее лица.
Я скажу: «Вот туфли... ты надень их,
От меня они и... от отца».

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Как в тумане родные черты..
Снова сердце сбивается с ритма,
Подсказав мне, что жив ты, что ты
Возвратился — оно говорит мне.

Ты живой? Ты в бою не убит? —
Я гляжу, подавляя тревогу.
Как устал ты, отец, и не брит,
Возвращался ты долгой дорогой!

Обо всем ты узнаешь теперь:
Внуки ждут, и состарилась мама —
Столько лет наша скорбь о тебе
В жизни место твое занимала.

Я к тебе прижимаюсь лицом,
А щетина твоя, как гребенка —
Значит, взрослая рядом с отцом
Вправе стать на минуту ребенком?

Снова памятью сердце прожгло,
Как всегда, ты уходишь в молчанье..
То ль от сна, то ль от утра светло
И печально, светло и печально.

ТЕРНОВЫЙ КУСТ

Терновый куст развесист и колюч.
Но забываю в этот миг о риске
До крови наколоться. Нет ни круч,
Ни веток, лишь — слова на обелиске.

Нежданно появились за кустом
И тем сильнее душу поразили.
Я только что заботилась о том,
Чтоб терна поприбавилось в корзине.

То подымалась горной крутизной,
То осторожно раздвигала ветви.
И вдруг — слова за веткою густой
О подвиге солдатском и о смерти.

Фамилии, фамилии столбцом
И надпись: «Неизвестны остальные...»
Я тоже не увиделась с отцом,
Остались только письма фронтовые.

А воздух стал солоноват на вкус:
Далекое ли ощутилось близко,
До слез ли исколол терновый куст,
Растущий перед самым обелиском.

СЧАСТЬЕ

Детство помнится — как из осколков,
Удивительный калейдоскоп!
Помню белую лошадь с двуколкой,
В тишине мимолетный галоп.

Посчитать помешала за сказку
Лишь осевшая пыль на цветах
Незнакомую эту коляску
И у женщины смех на устах.

В гимнастерку одетый мужчина
Говорил с ней, плечо наклопя,
И была у обоих причина
Не заметить пичугу — меня.

А войны отгремевшее эхо
Хоронил беспредельный простор.
Переливы счастливого смеха
Вспоминаются мне до сих пор.

Из ранних стихотворений

ПОИСКИ

Можно жить без поисков
Или нет?
Словно ехать в поезде
Много лет.
Виден неба краешек
Из купе.
Мне бы в путь отправиться
По тропе,
Где краснеют ягоды
Из кустов,
Светофоры — радуга
В семь цветов.
Крыша — небо синее.
Мне б в пути
Горизонта линию
Перейти.

1953

Верю я: окрыляет счастье,
С ним и в пасмурный день светло...
Человеку нужно участие!
Человеку нужно тепло!

Счастье мимо пройдет, как ветер,
Без следа улетит, как дым,
Если нет никого на свете,
С кем бы ты поделился им.

1953

ЛЕГЕНДА О ФОТОСНИМКАХ

Старинные, чуть выцветшие снимки
В хранилище положены давно.
Когда-то были подписи под ними,
Но разобрать теперь их мудрено.
Кто делал снимки?

Прежние владельцы?
Откроют тайну карточки навряд...
В семнадцатом году красногвардейцы
Нашли их в барском доме, говорят.

Звенело эхо в кабинетах, в спальнях,
Пыль с фотоснимков вытерли бойцы.
И перед ними появились пальмы
И белые заморские дворцы.

И жилистые руки африканца
С тяжелой мотыгой.
И тогда
Гвардейцам захотелось доискаться:
Откуда взяли снимки господ?

Зачем им пальмы, спящие в тумане?
Зачем дворцы над пышною травой?
И почему проявлено вниманье
К рабам, к их черной силе даровой?

Узнать хотелось многое...
Но где-то
Залп оборвал минуту тишины.
И снимки были собраны в пакеты
И на хранение в архив сданы...

Историк,
Мыслью осенен внезапной,
На снимках останавливает взгляд...
Над пальмами разбуженными
Залпы
В далекой
В знойной Африке гремят.

1956

Стали тени к полночи короче...
Мне не спится... Воздух сух и душен.
Мир девичьих радостей не прочен,
Мой покой давным-давно нарушен.

Появилась у меня повадка
Вспоминать в постели, на ночь глядя,
Возле губ насмешливую складку,
Сединою тронутые пряди.

И напрасно у высоких кленов,
Упрекнуть меня ни в чем не смея,
Однокурсник, скромный и влюбленный,
Бродит по заброшенной аллее.

На подушке, смятой и горячей,
Снова не усну я до рассвета...
Лунный свет за окнами маячит,
Тихо разговаривают где-то.

1954

ЛИРИЧЕСКАЯ ЗАЧЕТНАЯ

Пахнут медом почки тополиные,
Вечер опускается над дачами.
Мы идем с тобой дорогой длинной,
Положеньем сложным озадачены.

Так признайся, что же в том хорошего,
Если скоро сессия весенняя,
А тобой учебники заброшены
И читаешь ты стихи Есенина.

Мне грозою кажутся экзамены,
Но сижу напрасно над тетрадкой,
Если смотришь нежными глазами ты,
Хоть не откровенно, а украдкой.

Не тяни же с временной разлукою,
Все равно самим себе не рады мы.
И стоит любовь перед наукою
Самой неприступною преградой.

1955

КИОСКЕР

На улице
То ненастье,
То тихо, в сугробах блески.
Но снова окошко настезь
В газетно-книжном киоске.
В платок киоскер укутан,
Обут в большущие валенки...
Как много работы утром
У женщины этой маленькой!
В киоске газеты свежие,
Киоск — словно баба снежная.
А с книгами стол, как клумба:
Обложки синие, красные...
Разборчивы книголюбы,
У всех у них вкусы разные.
У них замечаний множество,
Вопросы, советы, сомнения.
(Товарищи авторы! Можете
В киоске узнать их мнения.)
Спешит киоскер, хлопочет,
Приносит журналы с почты.
Лежат они перед нею,
Не стынувшие зимой...
Только когда стемнеет,
Уйдет киоскер домой.

1956

ОБИДЫ

От любимых тяжелы обиды.
Приравнять к чему их?
С чем сравнить?
Как бывает трудно их не выдать!
Как опасно в памяти хранить!

С ними нежелательно соседство,
Хоть они порой невелики:
Прикоснутся пальцами —
И в сердце
Нежность опускает лепестки.

А случается, накопят годы
Много незаслуженных обид.
И потом взорвут обиды гордость,
Как скалу взрывает динамит.

И от взрыва
Чье-то счастье гибнет:
Хмуры взгляды, равнодушна речь...
Любящие!
Верьте, вы могли бы
От обид друг друга уберечь.

1956

ДОЖДЬ

Ветра нет, а небо в тучах,
Дождь на улице опять.
Может быть, под крышей лучше
Непогоду переждать?
Успокоить сердце нечем,
Хмурит брови горизонт.
От дождя в подобный вечер
Не спасет ни плащ, ни зонт.
Но отважно через лужи
Я бегу по мостовой.
Ох, зачем он только нужен,
Этот ливень грозовой!
Так и хлещет, как из лейки,
Барабанит по кустам...
А знакомая скамейка
Сиротлива и пуста.
Нет тебя среди прохожих
И в аллее у берез.
Грустно мне и небу тоже,
Только я грущу без слез.

1956

ОБЛАКА

Они плывут издалека
И загораживают небо.
На что похожи облака?
На замок, сделанный из снега.

Их башни, поднятые ввысь,
Как будто в отблесках салюта.
Но чья невидимая кисть
Меняет цвет их поминутно?

Они зарей освещены,
У них края в разводах красных,
И тают медленно они,
Не выдержав накала красок.

1957

ДЕРЕВЬЯ

Я мучаюсь над строчкой о деревьях.
В ней тесно им,
Ветвистым и большим.
На их стволах,
Коричневых и древних,
Прорезана густая сеть морщин.
Деревья! Я такими их видала,
Они роняли надо мной росу,
Когда за Волгой я была недавно
В деревне, затерявшейся в лесу.
По вечерам, едва видна за ветками,
Деревня зажигает огоньки.
В ней женщины,
Как в окнах свет, приветливы
И мудры, как природа, старики.
У них ладони от работы грубые —
У жителей заволжской стороны.
На их руках мозоли, как зарубины,
А трещинки шершавые темны.
Я эти руки вспоминаю с робостью,
Они все время заняты трудом...
Я на деревьях только силы пробую,
Чтобы о людях написать потом.

1959

Стрежень

НА РЕКЕ

Как обещанье, манит, манит,
Вся серебрясь издалика.
А понимаю, что обманет
Мою доверчивость река.

Но от привычного, земного
Как отрешась и в этот раз,
Я замираю в рубке снова
И не свожу с излучин глаз.

И забываю отчего-то,
Хотя и знаю наперед,
Что там, за дальним поворотом.
Всего лишь — новый поворот.

ВОДНЫЙ ПУТЬ

По озеру, каналу, по реке
Да по морю искусственному плыть.
То вмиг заметить бакен вдалеке,
То к пароходу мель не допустить.

И взглядываться в темень по ночам,
Прожектором ощупывая плес.
Сойти на кратковременный причал
И удивиться шелесту берез.

Потом, пройдя по рыхлому песку,
Куриль и разбираться в новостях.
И чувствовать себя на берегу
Не буднично и словно бы в гостях.

И снова дом оставить вдалеке,
Неисправимым речником прослыть.
По озеру, каналу, по реке
Да по морю, меж бакенами, плыть.

Возвращение на Волгу

На верхней Волге осень золотая
Еще звенит листом на берегу.
А он пришел, серебристо льдом блистая,
Спустили трап, а трап его в снегу.

Его семь дней на Балтике качало,
И поржавел он от волны морской,
Он бортом прижимается к причалу,
Как рыжею щетинистой щекой.

В ЗАТОНЕ

Если Волгу замкнула зима,
Если лед укрепили морозы —
Пароходы стоят, как дома,
Мачты в инее — словно березы.

И во льду, и в сугробах — затон,
Переполненный замершим флотом.
И судов круглосуточный сон
Лишь подчеркнут ремонтной работой.

ШКОЛЬНИК

Валенки, шапка-ушанка, ранец заплечный...
Вижу: идет этот мальчик тропинкою млечной,
Ведущей к невидимой школе
За полем.

Мимо автобусы мчатся...

— Не заблудился ли часом? —

Кто-то вздохнет озабоченно,

Взглянув за обочину

На снежное белое поле

Из автобуса... ползущего, как поневоле,

По простору земному, —

Так покажется, верно, пилоту

С самолета,

Снижающегося к аэродрому.

А мальчик, идущий из отчего дома

В школу

По снежному полю России,

Верится, многое в жизни осилит.

Естественно, как шелестит листва,
И неизменно, как струятся реки,
Я преданности тихие слова
Произношу об этом человеке.

А он о том не ведает, что есть
Такая ж, как его, душа другая —
Его, как вьюн, опутывает лесь
И злоязычие подстерегает.

Доверчив и доступен широте,
И взором ясный, словно полдень мая,
Он души предприимчивые те
За дружеские, видно, принимает.

И если б догадался обо всем,
Не знаю, что тогда бы он промолвил,
В негодовании неукротим, как гром,
Сопровождающий сверканье молний.

Но преданности тихие слова
Достигли бы внимательного слуха.
Нерасторжимей кровного родства
Родство по убеждениям и по духу.

ПОД МОСКВОЮ

Рукой подать отсюда до Москвы —
Гудит, не замолкая, автострада.
Но в переулках — шелест листопада
И заросли желтеющей травы.

Здесь, в городочке, каждый поворот
От глаз скрывает древности картину.
Сверну за этот, первый, и — застыну
Перед резною красотой ворот.

Проникнусь настроеньем здешних мест,
Дивясь, что прежде здесь не побывала.
Пойду по верху крепостного вала
И, замирая, оглянусь окрест.

Осенняя торжественная грусть
И светлый лик озерной этой глади!
Пойму, на красоту земную глядя:
Так вот откуда начиналась Русь!

И древность словно оживет на миг:
Тревожен день — вот-вот сраженье грянет, —
Покажется, о Русь, лесов багрянец
Доспехами защитников твоих.

СУЗДАЛЬ

Я долго-долго буду вспоминать
Строенья, окруженные полями.
И тихий Суздаль в памяти опять
Заблещет луковками-куполами.
Покажется на миг,
Что я смогла
Проникнуться их древними мечтами:
Я, как природа русская, светла,
Я сарафан свой
Вышила цветами.
Представлю звон
На сотни верст глуши,
Такой торжественный в вечерней выси,
Как будто воскрешение души
И в самом деле
От него зависит.

СЕВЕРНОЕ ЛЕТО

Пригрезилось ли северное лето
И облаков прозрачных серебро,
Была ль река серебряного цвета
И камень проступал в ней, как ребро.

А на холме стоящее село,
Все в кружево резное разодето,
Смотрело умудренно и светло
В безбрежности подоблачного света.

Под соснами оставила зима
То снег, то изо льда напластованье —
Июню о себе напоминанье.

Не открывали окон терема,
Но судна быстроходного корма
Притягивала общее вниманье.

СВИРЬ

Ты сказка или быль,
Серебряная Свирь?
Прозрачная до дна,
Каменьями полна.
Опасные места,
Но до чего ж чиста!
Чтоб штурман молодой
Не встретился с бедой,
Чтоб он не сплеховал
И повернул штурвал,
Чтоб не задело киль,
Ты так прозрачна, Свирь.

НАЧАЛО ВЕСНЫ

Мечтою оваяны, вознесены
На волны взмутненного цвета —
Когда наступает начало весны,
Мне снятся судов силуэты.

Их мачты далекие видятся мне
Над лентою плеса речного.
Мне любви суда наяву и во сне,
Всегда их прибытие ново.

Пытаются их удержать берега,
Расставив причалов магниты.
И вижу, легки они, как облака,
Но воды движеньем их взрыты.

Приходят с низовья, в низовье плывут,
Свою совершая работу.
И, может, на несколько только минут
Задержатся у поворота.

Пускай поворота кривая крута,
Причал неподвижный, прощай-ка!
Весною над мачтами кружит мечта,
Как будто незримая чайка.

И вот плыву каналами на север,
Где танкер наш опустит якоря.
А всюду словно розовеет клевер —
Так расцвела полночная заря.
Я привыкаю к северной природе,
Природу юга в памяти храня.
Но некогда,
И записи в блокноте
Все больше деловые у меня.
Вот выхожу не на балкон —
На палубу.
И в выборе судьбы своей вольна,
Я никому не докучаю жалобой,
Что ночка зоревая холодна.

Как полюбишь сильнее всего
Темно-синие жилы Земли,
Где, справляя труда торжество,
И плывут, и плывут корабли,

Отраженных небес синева
Не наскучит — часами гляди,
Постигая душою слова
«Высоко», «глубоко», «вперед».

РЕЧНИКУ

По какой реке сейчас плывете,
Снова ночью бодрствуя и днем?
И какие новости на флоте —
В мире переменчивом речном?

В час, когда еще прибрежью спится
И заря не выстлала лиман,
Танкер ваш на плесе серебрится
Или одевается в туман?

Далеко ль ушли вы от пизовья?
И опять, как в прошлую весну,
Все ль еще у речки в изголовье
Снег лежит, затерянный в лесу?

Трясогузка, утомясь в полете,
На корме сидит ли, свеся хвост?
Груз какой сегодня вы везете
По реке весенней в леспромхоз?

А вода, наверно, прибывала,
Размывая берега черту?
Вижу вас, стоящим у штурвала,
В предрассветной рубке — на посту.

Ожидание встречи с тобой
Почему-то зовется разлукой.
И от этого даже любовь
Временами становится мукой.

Но в борении ночи и дня
Побеждает дневное светило.
Я люблю тебя так, что меня
И полярная б ночь не смутила

Бесконечной разлуки с тобой —
Без луча, без зари, без просвета.
Я жила бы надеждой: любовь,
Словно солнышко, прячется где-то.

Слыхала, вы железный человек,
Вам вся команда подражать готова.
Не каждый смог бы, не смежая век,
Стоять, как вы, на вахте снова, снова.

Что зоркий вы — пусть подтвердит туман,
Что волевой — далеких рек излучки.
Что нежными бывают ваши руки —
Лишь я об этом знаю, капитан.

ДОМ У РЕКИ

Простор реки разлившейся и дом,
И дерево меж домом и рекою.
Плывут суда, и в сумраке ночном
Прожекторы окошко беспокоят.

Вдруг в комнате становится светло,
И дерево, очерченное четко,
Ложится на оконное стекло
Нагих ветвей причудливой решеткой.

Сучок зигзагом, веточка чертой
В луче минутном движутся, чернея...
Огни судов проходят чередой —
И тени веток вижу на стене я.

И не могу от этого уснуть.
Преследуют воображенье ветви,
Я вижу их сквозь сомкнутые веки,
И я встаю и собираюсь в путь.

ЛЕДОСТАВ

На рейде словно перемолот лед,
Течение еще уносит льдины,
Но меж зимой и осенью идет
С исходом предрепешным поединок.

И нефтевоз торопится домой,
Пробив заслоны изо льда сплошного.
В водовороте за его кормой,
Нырря, лед выныривает снова.

Осколки льдин — осколками зеркал.
И ярче, чем посередине лета,
Над лесом солнца огненный накал,
На плесе ответ огненного цвета.

Но солнце скоро круг свой совершит,
И синей мглой оденется округа.
И в тишине услышишь: лед шуршит.
То льдины наползают друг на друга.

ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС

В корявом серебре
Раздробленного льда
В последний раз буксир
Прокладывает трассу.

Дымится за кормой
Открытая вода,
А солнце позади
Расплывчато и красно.

А трещину во льду,
Простертом впереди,
Пробила до воды
Невидимая сила,

Что бьется и гудит
В натруженной груди
Ломающего лед
Обмерзшего буксира.

СНЕГ В ГОРОДЕ

До чего же снежная зима!
В городе, как во поле, сугробы.
Вы о чем задумались, дома?
Радуйтесь, что снегу всюду пропасть!

Город стал от этого красив,
А стоит он словно на подушках.
Форточки открой, жилой массив,
Как живую открывают душу!

Зимних парков белые цветы,
Тротуаров белые настилы —
Самой образцовой чистоты
В эту зиму в городе достигли.

Снег везде: на переплетах рам,
На балконах, шапкою — на арках.
В общей белизне огни реклам
Светятся заманчиво и ярко.

Снега первозданного пора
Изменила настроенья, вкусы:
Что казалось будничным вчера,
Стало необычным, как в искусстве.

РЯБИНА

Я гляжу из окна на рябину,
Как с подругою с ней говоря.
А за нею большая витрина
Магазина с названьем «Заря».

На опушке рябину такую
Я встречала когда-то давно...
— Ах, рябина, рябина, другую
Выбирать нам судьбу не дано.

Ты выросла в эту почву корнями,
И за это ее не кори!
Что-то общее есть между нами:
В красных гроздьях твоих и в крови.

О тебе не забыла эпоха,
Создавая свои города.
И, возможно, не так уж и плохо,
Что попала ты к людям сюда.

Что стоишь ты с витриною рядом,
Отражаясь в ней, словно заря,
Что к тебе обращаюсь я взглядом,
Как с подругой, с тобой говоря.

СРЕДИ ЗИМЫ

Облепили рябину вороны,
Хлопья снега с нее отрясая.
Было красное с белым, но черным
На ветвях обозначилась стая.

А уселись вороны сначала,
А за ними — и несколько галок.
А рябина ветвями качала,
Но жалела голодных нахалок.

А работали клювы упорно —
Ненасытные цепкие гвозди!
Вот одна изловчилась ворона —
Улетела с оторванной гроздью.

А взлетели другие вороны,
А за ними — проворные галки,
И остались от красной короны
Только веток грозящие палки.

ВЕСНОЮ

Окликнула тебя совсем случайно
На лестничной площадке у дверей.
Еще для нас с тобою было тайной,
Немыслимой, как глубина морей,

Неведомой, как дальняя планета,
Все то, что ожидало впереди...
На лестничной площадке мало света,
Почти не видно глаз, как ни гляди.

Да ничего и не было во взглядах
В тот миг, когда окликнула тебя.
По лестнице сойти нам было надо
В капель и солнце мартовского дня.

И, руку подавая, попрощаться,
Чтоб отгадать средь уличной ходьбы,
Что нас соединила та площадка,
Став стартовой площадкою судьбы.

И вот он грянул, ливень с высоты,
Как наше чувство, сильный и внезапный.

Взволнованно раскрылись все цветы
И источают небывалый запах.

Дождь отшумел, как лишние слова,
И где-то в тихих водостоках замер.
И только плачет мокрая листва,
Как мы с тобой, счастливыми слезами.

Пройдем мы по бульвару много раз,
Пока на небе звезды не погаснут...
В душе звучит мудрейшая из фраз:
«Остановись, мгновенье, ты прекрасно!»

Вот опять надывается сердце
От разлук, ожиданий и встреч.
И опять не отыщется средства,
Чтобы сердце от них уберечь.

Чтоб не билось встревоженно, чутко,
Умудренное опытом дней.
Чтоб спасительный голос рассудка
Оказался хоть малость сильней.

СПУТНИЦА

Приветливо в простом ее рассказе
Звучали украинские слова,
Мы с нею долго ожидали «газик»,
Между собой знакомые едва.

И мне казалось: вербы и дорога,
Которой мы отправились с утра,
Напоминают мне об очень многом
Загадочно близостью Днепра.

Казалось, если пристально взглядеться
В бегущую дорогу и сады,
Отыщет очарованное сердце
Родные позабытые следы.

И смысл происходящего был светел,
И тайна — осязаема почти.
А «газик» встал на круче, словно встретил
Незримую разгадку на пути.

Виденья ли столетий подсказали
Все то, что мне пригрезилось с утра,
Иль украинка карими глазами
В мои глаза взглянула, как сестра.

ЖЕНЩИНАМ

Ах, наши повседневные заботы
И запах кухонный — исчадь зла!
Мы, возвратившись вечером с работы.
Беремся за домашние дела.

У нас уют. Наверно, нашим семьям
Мы посланы счастливою судьбой.
Мы — матери, мы правы перед всеми,
Не правы только лишь перед собой.

Заботы, превращенные в привычку,
В календарях зачеркнутые дни...
Мечты, мечты... далекие, девичьи,
Как нелегко сбываются они!

И все же не всегда мы уступаем.
И не всегда сдаемся. Пусть, устав,
Мы поздно-поздно с книгой засыпаем,
Страницу до конца не дочитаем.

БАЛЬНОЕ ПЛАТЬЕ

Я себе приснилась в бальном платье,
Шла я в нем, красива и горда, —
Облаком из кружев обладать я
Не предполагала никогда.

Стали в нем смягченнее движенья,
Я не шла по залу, а плыла.
Нежное мое отображенье
Удержать старались зеркала.

Удивлялась: я такая разве,
Легкую улыбку оброня.
А вокруг сверкал веселый праздник,
На душе был праздник у меня...

Как всегда, заторопилась утром,
Занимаясь делом не одним.
В зеркало взглянула на минуту,
Чтобы причесаться перед ним.

Вижу свой наряд обыкновенный,
Грустно почему-то и смешно.
Сон припоминаю: а, наверно,
Платье мне такое бы пошло, —

Кружев синтетические грезы,
Но все та же, что века назад,
Как рассвет, все та же, как березы,
Радость, оживляющая взгляд.

Приходила я сюда в те дни,
Не боясь, что, может, невпопад.
Здесь встречал меня, как луч в тени,
Полный ожидания твой взгляд.

Я вещей не видела твоих,
Ни настольной лампы, ни тахты.
Я не замечала даже книг —
Был передо мною только ты.

А сейчас ты словно не один,
Вещи здесь как хмурая родня.
И не зря полотница гардин
Солнышко закрыли от меня.

Прохожу к тахте я от дверей,
А не лучше ль повернуть назад?!
Может быть, тогда ты поскорей
Оторвал бы от страницы взгляд.

Здесь различишь еще мои следы,
Прикрытые узорчатою тенью.
Я для тебя придумала сады
С той синей, как у Врубеля, сиренью.

Раздвинулись тяжелые дома.
Я прямо в гроздья распахнула двери.
И красоте поверила сама.
И ты со мной в сады мои поверил.

В них плещется озерная вода
И птицы удивленные ликуют...
Ты так всему поверил, что сюда
Привел однажды женщину другую.

И помутнело зеркало воды,
И ты опять ступил на мостовую.
Я для тебя придумала сады,
Но без меня они не существуют.

За оврагом березы стыли,
Становилось совсем темно.
Кто виновен был: я ли? ты ли?
Или так оно быть должно?

Электричек пустых мельканье,
Дача — временное жильё.
Осень, сумерки и дыханье
Перехваченное мое.

Помню звезд одиноких строгость
И покинутое крыльцо...
Что ж тебя перестали трогать
Мои волосы и лицо?

Или все для тебя привычно,
Все привычно, как шум колес
Увозившей нас электрички
От обманутых тех берез?

ЧУЖАЯ ЯБЛОНЯ

То ли яблоки рдеют на ветках,
То ль фонарики кто-то зажег.
Я подумала: яблоню эту
Только сказочник вырастить мог.

Лишь подумала — и за оградой
Увидала его самого.
Но спросил он с угрюмой досадой,
С подозреньем: «Тебе тут — чего?»

Растерялась, не ведая толком,
По тропинке ушла далеко ль,
Бескорыстно любуясь поселком
И садами вокруг, и рекой.

А над яблоней вспыхивал ярче
Облаков голубеющий мел.
Было трудно поверить, что алчев
Тот, кто вырастить чудо сумел.

СЕЛЬСКИЙ МУЗЕЙ

В селе, где еще уцелела
Ушедших времен тишина,
От школы начальной — чуть слева —
Под вербой постройка видна.

Обычная с виду постройка,
Задуманная без затей.
В ней чаще безлюдно, в ней — только
Не слишком известный музей.

А тот, чьи рисунки хранятся,
Чьи письма лежат под стеклом,
Судьбу искал, вероятно,
Прощаясь с родимым селом.

Как после он жил — неизвестно,
Был в письмах скупым на слова...
В музее хранитель — из местных,
Ценитель его мастерства.

Указкой коснется вещицы —
И с чувством о ней говорит,
Без тайной тщеты приобщиться
К тому, кто у них знаменит.

И в малом большое
настолько
Плениет сознание людей,
Что скромная эта постройка
Не зря превратилась в музей.

◆ ◆ ◆
В ожидании снега завяли цветы на куртинах,
Серый дворик предзимний мне виден сейчас
из окна.

Я хожу по музею, где в бронзе тяжелой картины,
Где причудлива мебель, камин без огня, тишина.

Словно скрипнуло что-то, как доски скрипят,
усыхая.

И представила я: вот услышу за дверью шаги,
В парике завитом он появится, глухо ступая,
И в ожившем камине зардеются вдруг угольки.

Он по залу пройдет, там, где я, и меня
не заметит.

Оба мы, он и я, существуем, но в разных веках.
Он помашет в окно не увиденной мною карете,
И она затеряется вскоре в бескрайних лесах.

Повернется, пойдет он обратно с печалью
во взгляде,
Той печалью разлуки, что в сердце вовек
не умрет.

Попимая его, я забуду о древнем наряде,
А парик завитой... пусть обсудят ценители мод.

ГУСЬ-ХРУСТАЛЬНЫЙ

Здесь и сегодня, как бывало встарь,
И яркий блеск, и легкий звон повсюду,
И распутивший лепестки хрусталь —
Еще искусный труд, а не посуда;

Он здесь еще ничей, как небосвод,
Еще возвышен так же, как прозрачен;
Я здесь умолкла, слушая завод,
И звон до слуха доноситься начал.

Гляжу, и от сверканья граней взгляд,
От близости их богатеет снова.
Среди хрустальных радужных палат
Я будто бы касаюсь дна морского.

Иду как по подводному дворцу,
Наполненному преломленным светом,
И сказка приближается к концу
И заставляет сожалеть об этом.

За проходной, где я потом стою,
Где проношу, почти как королева,
Воспоминаний шлейф по хрустальному, —
Здесь мне — направо, выдумке — налево.

ПОГОНЯ

Мчат меня небывалые кони:
Речка, поле за нею, а там,
Нет, и там не уйти от погони,
Что несется за мной по пятам.

Я коней отпускаю на волю
В обернувшись сказкой краю,
А сама становлюсь белоствольной,
На открытом просторе стою.

Налетевшему вихрю погони
Отвечаю гуденьем в стволе.
Вся надежда — на крепкие корни,
Разветвленные в отчей земле.

О, это невысокое окно,
В котором только ветра дуновенье, —
Мне кажется, твой стук хранит оно
И взгляда твоего прикосновенье.

Но говорит мне поздняя звезда,
Что утешаюсь тщетною мечтою.
Так безнадежно комната пуста,
Как сердце переполнено тобою.

Я улетаю в Кукобой одна,
К дремучим елкам — далеко на север.
К речонкам, то лазоревым, то серым,
В суровый край, где стынет тишина.

Я улетаю. Местный самолет
Наполнен весь рокочущим гуденьем.
Подрагивают жесткие сиденья,
И крылья, и в наушниках пилот.

Я не грустить не в силах без тебя,
Разглядывая сумрачную чащу.
Себе кажусь я облаком летящим
С серебряными нитями дождя.

Как прежде, я тянусь к лесной глуши,
К задумчивости троп ее и просек.
А подо мной непуганые лоси
И зелень свежевыросших вершин...

Мне ниспошлет премудрость тишина
И объяснят нетронутые травы,
В чем правы мы с тобой, а в чем не правы..
Я улетаю в Кукобой одна.

Я ожидала: скоро ли придешь,
С каким попутным облаком нагрнешь?
Ты мне необходимым стал, как дождь
Печально засыхающей поляне.

На ней поникли пежные цветы
И желтизна уже проникла в травы,
Но грянул дождь — склонившись, обнял ты,
Склонившись обнял, это было главным.

Что будет после, отгадать не тщусь —
Пахнёт ли мятой, обожжет крапивой.
Во мне сейчас такая свежесть чувств,
Что грех себя не чувствовать счастливой.

ПОДРУГЕ

Ты прислала подснежники с юга,
И почудилось столько тепла,
Словно стихла февральская выюга
И весна под окошко пришла.

Где-то синее-синее море,
Где-то яркое солнце, а тут
На ольховых опушках зимою
Лишь сугробы растут и растут.

Но гляжу на тропинки глухие,
На могучие сосны в снегу —
Красоту их с морской стихией,
Только с нею сравнить я могу.

Здесь в пруду зеленом днем погожим,
Серебрясь, купаются лучи,
Расстелили гнезда, как рогожи,
На деревьях вековых грачи.

Без конца кричат они о чем-то,
Чем-то озабочены всегда.
Может, тем, что вот опять грачонка
Вытряхнуло ветром из гнезда.

Что сидел потом он под ветлюю,
Той, которой скоро двести лет,
Под стволом с морщинистой корою,
Удивляясь, как обширен свет.

А когда за огород в сурепку
Гнал его безжалостно испуг,
Крылья, не успевшие окрепнуть,
Бились, словно рукава без рук.

ВЫШИНА

На берегу осенней Волги
Вставала стройка в вышине,
И, от дождей насквозь проволглый,
Стоял вагончик в стороне.

И снова спорили ребята,
В обед в вагончике ютятся,
И перед входом в хвое смятой
С сапог нашлаивалась грязь.

И вечер теплился неярко
На сером пологие небес,
И кто-то брякал:
«Жизнь — времянка!» —
И шел на пристань через лес.

И понимали, что надолго
Дождей осенних полоса.
И говорили, что над Волгой
Задели тучу корпуса.

ПИСЬМА ОСЕНИ

Ветер дунул, и письма осени
Закружило вокруг и бросило
Не на землю и не в воду,
А на палубу парохода,
Вдоль по Волге-реке идущего
От минувшего до грядущего.
Несосчитанные, простые,
Долгожданные, золотые
Не кому-то в чужие руки —
Стосковавшимся в дни разлуки.
Словно вырвались из оков
Телефонных скупых звонков,
И доверчиво, не спеша
В них с душой говорит душа...
Письма искренние, простые,
Сколько вас летит по России —
Листья осени золотые!..

ОТ ИМЕНИ ДОБРОТЫ

Я знаю, что я существую,
Пусть прошел сквозь меня
Спешивший прохожий,
И все же
Его задержала встреча со мною,
Лишь на мгновенье, но задержала.
И он вдруг замедлил шаги,
Почувствовав очарованье
Неспешной ходьбы,
Когда жизнь вокруг
Обретает очертанье и цвет.
Я знаю, что я существую,
Пусть, столкнувшись со мною,
Не извинился мальчишка,
Потому что меня не заметил,
Да и вежливым быть не учили.
Но достаточно было мгновенья,
Чтобы он передумал
Ветку сломить —
Может, понял,
Что дерево тоже живое!
А влюбленная девушка
На свиданье спешила,
Но вернулась назад
И помогла
Старушонке с клюкою
С тротуара на тротуар
Перебраться через дорогу.
А сначала
Мимо нее пробежала
На троллейбус,

Но столкнулась со мною
И вернулась назад —
Значит, я существую на свете!
...Воздух тоже прозрачен,
Но без него
Жизнь невозможна.

Синие заволжские края

Евдокии Васильевне Антроповой

Я из провинции далекой,
Меня провинцией корят.
Я говорю спокойно,
окая, —
В Поречье все так говорят.

Перед рассветом ежедневно
Встаю и в ведро и в дожди.
Что за беда, не королева, —
Платок крест-накрест на груди.

Нечасто шью себе обновки,
Хоть с малых лет сама тружусь.
Среди чужих такой неловкой,
Такою замкнутой кажусь.

Но хлеб ржаной и хлеб пшеничный,
Что каждый день столица ест,
Он тоже родом не столичный,
Он из одних со мною мест.

СОРТИРОВКА

Ложится пыль поверх загара.
Машина пущена с утра.
Растет, растет в углу амбара
Зерна сыпучая гора.

Но далеко до перерыва,
В руках от непривычки дрожь,
А бригадир кричит надрывно,
А что кричит — не разберешь.

Здесь происходит сортировка.
Течет пшеница. Поспеши!
Здесь происходит тренировка,
Закалка тела и души.

Здесь поминутно пить охота
И не присядешь дотемна.
Здесь отсеваются отходы
От полновесного зерна.

Я радуюсь, как за свою судьбу,
За бабкину лесную деревеньку.
В ней строит кто-то новую избу:
Резной конек, широкие ступеньки...

Здесь много лет не возводили стен
И свадеб много лет не назначали.
А избы так трагически молчали,
Когда их покидали насовсем.

И в этой новой — те же три окна,
Но так светлы обтесанные бревна,
Что показалось — солнышком она
Освещена особенно любовно.

РОДИНА

Я ушла подальше от вокзалов
В синие заволжские края,
Я тебя до этого не знала —
Ты прости мне, Родина моя!

Не видала этих изб высоких,
Что в деревне строят на года.
Над рекой, заросшею осокой,
Прежде не сидела никогда.

С женщиной, идущей с сенокоса,
Сверстницей, встающей до зари,
Откровенно и по-бабьи просто
Прежде не случалось говорить.

Словно под лоскутным одеялом,
Под цветами луговины те...
Если б знать, как много я теряла
В городской трамвайной суете!

Позабыты мелочные споры.
Я гляжу, дыханье затая:
Здравствуйте, зеленые просторы,
Родина глубинная моя!

БОГАТСТВО

Мы встаем с зарею рано утром.
И, покинув теплые постели,
Боровки раскапываем, будто
В этом поле кем-то клад потерян.

Клад, конечно, выдумка.

Ну, просто
Собираем мы картофель крупный.
И лежит перед глазами россыпь —
Белые и розовые клубни.

Мы не видим, как пылают клены,
Как в стогах душистых травы гаснут.
Кажется: склоняемся в поклонах
Над землей, дающей нам богатство.

Мне страда осенняя запомнится:
Сапоги, увязшие в зерне,
И соломы блеск, и за околицей
Клены, словно факелы, — в огне.

Я запомню утреннее марево,
И реки похолодевшей дрожь,
И гусей, что любят заговаривать
Если мимо по воду идешь.

СКАЗКА

Взяли в плен косматые деревья
Маленькую волжскую деревню.
На опушке тихий бабкин дом,
Срубленный из бревен топором.
Что в лесу он видел?
Что он слышал?
Пчелы у него жужжат под крышей.
Петухи резные стали старыми...
Мы приемник в горнице поставили.
Даже лес
Шумит теперь по-новому,
Музыкой Чайковского взволнванный...
Выхожу из дома на крыльцо,
Дышит мне черемуха в лицо.
Я стою,
Гляжу в лесную чащу:
Может быть, на озере блестящем,
На волшебном, скрытом от людей,
Я увижу стаю лебедей?

СОЛОВЬИНАЯ НОЧЬ

Рассыпается шелканье в пуще,
Льется свист соловьиный с ветвей
И на миг замирает идущий
На дороге пустынной своей.

Словно не был до этого зрячим,
Он, забыв про дневные дела,
Замечает, что полночь прозрачна,
А лесная дорога светла.

Замечает, что зелены кроны,
Забывая заботы свои,
Рядом цокают, как в микрофоны,
В придорожных кустах соловьи.

Всё дела у бабки непочатые,
Разве ей управиться одной.
Я на танцы не пошла с девчатами —
К бабке собралась под выходной.

Говорит она сердитым голосом,
Ждет свою Буренку у ворот.
Я со лба отбрасываю волосы
И копаю бабкин огород.

От углей в печи у бабки зарево —
Докрасна топиться молоку.
Я устала бабку уговаривать
Переехать в город за реку.

С переменной мест она не мирится,
А без внучки жить не по годам.
«Разве что Буренушку, кормилицу, —
Говорит, — по осени продам».

СТОГ

Выше, выше растет,
Поднимается стог.
На стогу
Тетя Даша ровняет вершину.
Словно белое облачко —
В небе платок.
Мечут сено к ногам тети Даши
Мужчины...
Я и прежде видала стога у дорог.
Но до этого лета не думала даже,
Сколько нужно уменья,
Чтоб выровнять стог,
Чтобы он поднимался, как дом двухэтажный.
Чтобы прочно стоял он, упругий, прямой,
Чтобы в непогодь не покосился от ветра,
Чтобы сытым буренкам казалось зимой,
Что в кормушках у них —
Травостойное лето.
Но отброшены вилы.
Вползает в зенит
Раскаленное солнце.
Пылится дорога.
Поправляя платок,
Тетя Даша глядит
Далеко-далеко с высоченного стога.
Луговины,
Лесные массивы — вдали...
Перед нею,
На миг заглядевшейся, зоркой,
Развернулись просторы родимой земли,
Далеко отодвинув черту горизонта.

РЕЧКА ИТЬ

По вечерам, торжественным и ранним,
Ить — самая красивая река.
Отражены в ней, словно на экране,
Зажженные зарею облака.

Видны в ней опрокинутые сосны,
Вершинами пронзающие ил,
Как будто многочисленные весла
В речную воду берег опустил.

ПРОБУЖДЕНИЕ

Над полем проплывали облака,
Ложились тени их передо мною.
А поле за воздушной пеленою
Казалось серым лишь издалика.

И серебрились облака, когда,
Их раздвигая, появлялось солнце.
И кое-где синела, как в озерцах,
В низинах поля талая вода.

Она лишь и осталась от зимы!
А ветер, пролетающий над полями,
Над яркими, густыми зелеными,
Был теплым, как дыхание земли.

И жаворонки, радуясь теплу,
Звенели, ни на миг не замолкая,
И ручейки, тропу перебегая,
Казалось, ударяли по стеклу.

Всё, всё заговорило о весне:
И пенье птиц, и легкость небосвода.
Я счастлива, что в это время года
С природой побыла наедине.

Отраднo и легко дышалось мне.
Все убеждало: холодность позорна!
Здесь чувства пробуждались, словно зерна
В согретой и оттаявшей земле.

ЖАВОРОНОК

Он вверх взлетел со вспаханного поля,
Где только начался весенний сев.
Огромным было небо голубое,
А жаворонок маленьким совсем.

Он трепетал, он заливался свистом,
Все дальше поднимаясь в вышину.
Он был в своем желании неистов —
Прославить наступившую весну!

НАЗВАНЬЯ ДЕРЕВЕНЬ

Растет ольха,
Да ель глядит сурово,
А у стволов незаблемая тень.
Олехово, Суглобино, Кольцово —
Названия окрестных деревень.
Как хорошо, что я сюда приехала:
Сквозь кроны пробиваются лучи,
И кажется, Олехово, как эхово,
В глуши лесной, нетронутой звучит.
А мне нейдет:
Почему Суглобино? —
Допытываюсь я у тишины.
Не оттого ли, что зимой сугробам
До самых крыш дома занесены?
И по душе название — Скворцово:
Весна, ручьи, скворечни на шестах!..
Олехово, Суглобино, Кольцово
Друг ото друга — в нескольких верстах.
А за рекой — Коломино.
Деревня.
А в ней всего — изба, одно жилье!
Но, кажется, извечно, как деревья,
Старинное название ее.
Я соберусь.
В обратный путь пора.
Задумаюсь, когда домой приеду:
Не оттого ли — Дедова Гора,
Что здесь когда-то жили наши деды?

С единственной улицей деревня
И хвойный лес, нетронутый, густой.
И речка, словно линия деленья,
Меж соснами и дедовской избой.

Прохладные, с глухим оконцем сени.
А в горнице, заждавшейся гостей, —
Герани ярко-огненной цветенье
И телевизор — вестник новостей.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА

Снегами все вокруг занесено.
Ночные тени стынут у дороги.
Отяжелел еловый лес. Темно
В его дремотной и глухой утробе.
Великое нашествие снегов!
Мы, покоряясь тишине, умолкли.
И только слышим скрип своих шагов
И видим месяц на вершине елки.
Вбок не свернешь: провалишься по грудь.
И мы идем укатанной дорогой.
Она лежит в лесу, как Млечный Путь,
Она ведет к далекому порогу...
Мы добрались: в печи алеет жар,
Небрежный кот разлегся на овчине.
А бабушка разводит самовар,
Разламывая тонкие лучины.
В окно мороз скребется со двора.
А бабушка рассказывает строго,
Что нынче от заносов трактора
В деревню к ним расчистили дорогу.
И, засидевшись с нами допоздна
(Пока нас медом потчует и чаем),
Все хвалит председателя она,
Все называет ласково: Хозяин...

БАБУШКА

В дни, когда к концу клонилось лето
И осталось на полях жнивье,
Бабушка у нас совсем ослепла —
Солнышко померкло для нее.

Не встречает нас на зорьке ранней,
Не глядит в окошко на поля.
И не знает, что в горшке с геранью,
Как в пустыне, высохла земля.

Нет в избе привычного порядка —
Не хлопчет бабушка с утра.
В избу на экскурсию хохлатка
Выводок приводит со двора.

Сор опять не выметен под лавкой,
Самовар заглохший не кипит.
Лишь платок, заколотый булавкой,
Бабушка тревожно теребит.

И, наверно, нет сильнее муки
Для нее, чем этот неуют.
Не привыкшие к безделью руки
Бабушке покоя не дают.

Умирают зимние березы
Не своею смертью — от пилы!
Вздрагивают в воздухе морозном
Крепкие, упругие стволы.

Высоки. Замедленно паденье.
Но конец настал, как ни тяни!
Может, жизнь от самого рожденья
Вспоминают, падая, они.

И нельзя найти тут виноватых,
И тяжел у лесорубов труд.
Но шумят березы глуховато
И невольно за душу берут.

Чтоб земля им не казалась грубой,
Перед ними стелются снега.
Ударяет в лица лесорубов
Поднятая ветками пурга.

Улеглись метели,
Сугробы за деревнею.
Чистый снег лишь тенью
Тронут под деревьями.

И стоят березы,
Как будто невесомые.
Ветки их морозом
На небе нарисованы.

ПЕРВЫЙ ЛЕД

Река замерзла. Лед блестит слегка
И в лунном свете кажется лимонным.
Покрыты свежим снегом берега,
И серебрится воздух над зимовьем.

Оно на том высоком берегу,
И лес за ним — как на старинной черни.
А переправы нет через реку,
Мерцающую в сумраке вечернем.

Стою с тобою перед кромкой льда.
Луна и снег — тот берег виден четко.
Но близко-близко подо льдом вода,
И вмерзла в лед покинутая лодка.

И на губах моих как будто лед.
Как холод — затянувшаяся ссора:
Ты промолчал весь вечер напролет,
И я не начинала разговора.

И вот на лед идешь ты — шаг, второй...
Хотя бы оглянулся: как я? где я?
А я по тонкой корке ледяной
Ступаю за тобою, холодея.

И остается сзади лунный наст.
Мы вместе поднимаемся на берег.
Лед отчужденья тает, тает в нас,
Хотя мороз на речке не слабеет.

ВСТРЕЧА

С осенней зяби, по лесному тракту,
Как будто прорываясь сквозь кусты,
Блестя глазами огненными, трактор
Навстречу нам ползет из темноты.

На этом тракте, что проложен в чаще,
В заволжской глухоманной стороне,
Он кажется нам дышащим, урчащим
О чем-то
в первозданной тишине.

Мы наугад с дороги отступаем
И на траве невидимой стоим.
И кажется: не темнота слепая —
Сам хвойный лес смыкается за ним.

Нам через лес, в далекую деревню.
Чернеют сосны, нагнетая страх.
А низкий месяц за ветвями дремлет,
И звезды затерялись в облаках.

Наверно, полночь отгорланил кочет,
В окошках свет, наверное, погас...
Усталый трактор все еще рокочет,
В ночном лесу подбадривая нас.

У ОЗЕРА

Так легко был на озере туман,
Что озера ничуть не замутил он, —
За камышами и прибрежным илом
Воды светился голубой экран.

Не только ярко-желтую луну
Вода без затрудненья отражала,
Но, как и в небе, в ней звезда дрожала,
Лучами измеряя глубину.

А тишину, стоящую вокруг,
Как дерево, пилили коростели.
Хоть поздно было, спать мы не хотели,
Околдовал нас приозерный луг.

Меня и длиннолапного щенка,
Забывшего о преданности дому.
Носился он по берегу ночному,
Густой росой измочив бока.

Но чтоб не беспокоились о нас,
Мы воротились в дом — какая жалость!
А озеро нам долго вспоминалось —
Не отступало, светлое, от глаз.

СТРЕКОЗА

Людмиле Копыловой

Я восприняла ее, как чудо,
Стрекозу живую на стене.
Мне спросить хотелось: «Ты откуда
Прилетела в комнату ко мне?»

За окном моим не пахнет сеном
И река не прячется в кустах,
Ты неслышно на обои села,
Тонешь в нарисованных цветах.

И боишься, как бы не закрыли
Навсегда окошко за тобой.
Ломкие, трепещущие крылья
Испускают ответ голубой.

Ты подарок знойного июня,
Знай, тебе опасность не грозит!
Я тебе признательна, метунья,
За бесцеремонный твой визит.

Ты оттуда, где лазурь бездонна,
Где растут высокие цветы...
Может, ты зовешь меня из дома
Или просто заблудилась ты?»

ТРОПИНКА

У меня в плетеную корзину
Земляники с верхом набралось...
Я искала город стрекозиный —
Радостный и солнечный насквозь.
А тропа передо мной бежала,
Круто поворачивала вбок,
Словно я за ниточку держала
Впереди катящийся клубок.
Я покинула уют домашний
И за сказкой шла на край земли.
И касались ног моих ромашки,
И гудели надо мной шмели.
Но ушла я от ромашек белых,
Все равно их все не соберешь.
И тропинка привела на берег
И свернула в голубую рожь.
И была легка моя корзина,
И неплохо шли мои дела,
Потому что в город стрекозиный
Тропка неприметная вела.

ГЛУХОМАНЬ

Трава отяжелела от росы.
Над тихою деревнею светает.
Серебряная молния косы
В густой траве у ног твоих сверкает.

За избами — лесная глухомань
И облака в малиновом пожаре.
И в этот край, и в эту птичью рань
Мы столько дней с тобой не приезжали!

Ты помнишь с детства луг, опушку, двор.
Косил вот так же дед твой неученый:
Пока роса, пока на медосбор
Не прилетали яростные пчелы.

Пылали облака над головой,
И солнце выбиралось из деревьев.
И так же пахло скошенной травой
В лесной, пчелиной, крохотной деревне.

Я вышла из избы и поняла,
Что я забыла, что такое звезды.
Стояла тишина, и было поздно,
А за избой в лесу таилась мгла.

Над головой струился синий свет.
Казалось, что от этих звезд забытых,
Таких необычайных, первобытных,
Свободного на небе места нет.

Они сияли в темной глубине.
А на опушке елка, словно лестница,
Подставленная к огненному месяцу,
Достань его — манила в стороне.

Но почему-то возвращался взгляд
К созвездиям над деревенской крышей.
И в самом деле, можно было слышать,
Как меж собою звезды говорят.

За какие заслуги, не знаю,
Мне подарена нынче судьбой
Между сосен дорога лесная
С лунным светом,
С неспешной ходьбой.
С тишиною, звенящей и хрусткой,
И пустышностью в небе большом,
Где зачерпнуты синие сгустки
Покренившимся звездным ковшом.
Мне подарены четкие тени,
Хвойных веток пахучая мгла.
От тревог, от душевных смятений
Наконец-то уйти я смогла.
От бессонницы маяться мне бы,
Если б не был печально дан
Путь с вершинами сосен до неба
И мерцанием снежных полян.
Снег несмятый
У самой дороги,
С синеватым отливом вдали...
Наполняются легкостью ноги,
Словно нет притяженья Земли.

СВЯЗЬ времен

ГОРОД МОЙ

О чем мечтаешь, город мой?
Какою гредишь стариной,
Прекрасен жизнью долгой?
О чем мечтаешь, город мой,
Нерасторжим со всей страной
И труженицей Волгой?

А где заводов корпуса,
Там деловиты небеса
Пейзажа городского.
Преобразились чудеса:
Они — и древности краса,
И подвиг Терешковой...

О чем мечтаешь, город мой?
Какою гредишь высотой
Над ширью многоводной?
Богат историей земной,
С какой беседуешь звездой,
Из отраженных Волгой?

МАТЕРИ Н. А. НЕКРАСОВА

От веселых садов вишневых,
От порогов крутых Днепра
В окруженье лесов суровых
Путь-дороженька привела.

Поутихли слова восторга,
Позабылся задорный смех —
Слишком плавной казалась Волга,
Слишком долгим казался снег.

Ох, какое досталось счастье —
Мужа грубого произвол!
Но открылось тебе участие
В грустных песнях окрестных сел.

Ни о чем уже не просила,
Бесконечно к другим добра.
И открылась тебе Россия —
Сердцем узнанная сестра.

Если б виделось все иначе,
Кто бы сыну смог передать
К Волге столько любви горячей,
Чтобы горько над ней рыдать!

А за то, что до слез жестокой
Долей горькою занемог,
Стала Волга живым истоком
Сокровенных сыновних строк.

ЗИМНЕЕ СОЛНЦЕ

Туманное, взошло оно над крышей,
Подняться выше — не хватает сил.
Сильнейшее для нас из всех светил
Оно с трудом в седой остуде дышит.

Простор окна иглой мороза вышит,
Но луч живой узоры осветил.
Он о весне, увы, не возвестил,
Но ясен день, и настроенье — выше...

И ты, состарясь, стала лишь родней.
Как солнце ослабевшими лучами,
Умеешь ободрять на склоне дней.

И как бы там морозы ни крепчали,
А тают все обиды и печали
Пред солнечной душевностью твоей.

ВСТРЕЧА С КРАСОТОЙ

Снег на площади на широкой
И вечерняя тишина.
Сказка — церковь Ильи Пророка
Снизу доверху освещена.

Летом здесь пестро от туристов,
А сейчас и следы — в стороне.
Купола и покров искристый
Предоставлены только мне.

Что ж стоять? Ведь и завтра вечером
Будет так же вокруг светло:
В камне долгое увековечено,
Мимолетное — снегом легло.

Камень, стало быть, не растает,
Да и снег — среди зимнего дня.
Красота же с извечной тайной
Снизойдет ли опять до меня?

СТАРИННОЕ

Ах, улица старинная,
Твои особняки
И вязы-исполины
Душе моей близки.

Воображенью радуя,
Не отверну лица
От входа, от парадного
С приступками крыльца.

Из камня, а протоптаны
До вмятин — там и тут,
Приступки допотопные,
К кому они ведут?

Представлю поколения,
Взбегавшие по ним,
Забудусь на мгновение
Пред временем седым.

Ах, что приступки стертые!
Как вечность — полчаса,
Когда вблизи за стеклами
Далекие глаза.

ВЕЧЕРНИЙ ЭКСПРОМТ

Объехав лишь немного городов
И все-таки немало их объехав,
Я вспоминаю вовсе не о том,
Что было на пути моем помехой.

И чаще сожалею о другом:
Что время невеселое настало —
Что было легким — делаю с трудом,
Что было мило — от него устала.

И представляется по вечерам
Какой-то промелькнувший городишко,
Его грачей невероятный гам,
О нем жалею; впрочем, нет, не слишком.

Завидую лишь женщине одной,
Что куст цветов сажала в палисаде.
И я бы подружила с тишиной,
А впрочем — только к собственной досаде.

Я, может быть, утешена собой
Такой, когда жила с упорством в жилах,
Такою несложившейся судьбой...
Как будто бы сейчас она сложилась!

Все мимолетно в мирном уголке:
И мотылька безмолвность на цветке,
И стрекотанье быстрого кузнечика.
Но в том обворожительность мирка,
Что бережливо солнышка рука
Коснулась распускавшегося венчика.

Почти устарели и «трепет», и «прелесть» —
Прекрасные впрочем слова,
И все-таки снова с приходом апреля
Они обретают права.

И снова в краю голубого простора,
Прелестна движением чувств,
Конечно, Наташа, конечно, Ростова,
Хотя не графиня ничуть.

УПРЯМСТВО

Постарел. Под бровями клубится,
Словно дым, пережитого след.
И уже отделить от амбиций
Правоту — может, времени нет.

Но пока одевается мглою,
Вечерея над ним, небосклон,
Все еще сожалеет порою,
Что от всех должностей отстранен.

Обращает, все больше старея,
На любимца и баловня взгляд,
Перед кем пораскроет аллеи
Наступающей юности сад.

А сейчас магазин приготовит
Самолетик, и этот и тот,
И кораблик, что счастья не ловит,
Что без паруса ловко плывет.

Стоят дорого эти игрушки,
И поймет ли старик, и когда,
Что дороже их — шарик воздушный,
Драгоценней — почная звезда?

ПОСЛЕДНИЙ УРОЖАЙ

А слива так корява и стара,
Что ветки наклоненные не гнутся,
Ломаются — к ним страшно прикоснуться,
Но вот стремянку ставлю у ствола.

И снова удивляюсь: какова!
Морщины и сучки, а плодоносит.
Как гирьками, отягчена под осень,
Исполнена земного торжества.

И счастлива, наверное; ведь ей —
Ей ничего не требуется боле.
Так что же руки чувствуют до боли
Корявость отживающих ветвей?

Спускаю наземь полное ведро.
А ствол, покрытый седоватым мохом,
И ветви говорят мне обо многом:
Мороза хватке, пагубе ветров,
Но более — о лете синееком.

НОЧНОЕ ОЖИДАНИЕ

Лиле

Встал меднорогий месяц над горой.
Гора была черна, верней, лилова,
И в тишине слышней звучало слово,
Еще произносимое порой.

Сорвался в полусумраке, как плод
В ночном саду, темневшем у дороги,
Тяжелый вздох, оброненный в тревоге,
Что, кажется, автобус не придет.

Я и сама автобуса ждала,
Но я потом забыла бы об этом,
Когда бы ночь своим ущербным светом
Тревожный смысл всему не придала.

САМАННЫЙ ДОМ

Все говорят, что вот пустует дом,
Так говорят, не ведая о том,
Что в нем живут мои воспоминанья —
В саманном доме, вроде бы пустом.

Советуют сдавать его жильцам
И даже плату брать по месяцам.
А дорогие мне воспоминанья —
Мне с ними, что ж, таиться по углам?

Нет, старый дом нельзя сдавать внаем,
Тем более нельзя пускать на слом —
Ведь давние мои воспоминанья
Не могут перебраться в новый дом.

СВЕТЛАЯ ПОЛЯНА

Открывшаяся светлая поляна
Взглянула земляничкой на меня,
Был старый сад огромным, как Земля
Во времена открытий Магеллана.

Казалась слива ключьями тумана,
А яблоня — зарей, а тополя
Преображались в мачты корабля —
Таинственность всегда полна обмана.

Я с опасеньем продолжала путь,
И шевелились тени под ногами,
А я себя подбадривала: пусть

Темнеет что-то страшное с рогами...
А это был смородиновый куст,
А за кустом — знакомый голос мамин.

АНТОНУ

Помню южного лета цветы
И тропинку, идущую в гору,
Как носился за бабочкой ты,
Отдаваясь земному простору.

Помню дерево там, наверху,
На которое ты забирался.
Высоко на корявом суку
Что за птицу найти собирался?

Как потом возвращались назад,
Крутизной обдирая подошвы...
Обращаю в прошедшее взгляд —
Там тропинка и первым идешь ты.

До плеча мне — уже не малыш —
И совсем золотой от загара...
Улыбнешься лишь и промолчишь,
Мы теперь для прогулок — не пара!

Но недаром на склонах цветы
Пламенели в ушедшем июле.
Я встаю, поднимаешься ты —
До плеча твоего достаю ли?

ДОШЕДШЕЕ ИЗ ДРЕВНОСТИ

Усердный археограф награжден,
Когда, от тайны истину отторгнув,
Он постигает, словно связь времен,
Оставшийся от древности автограф...

Нет, не тщеславен был, а только — мудр
Свои слова врубивший напоследок,
Как будто ключ оставил ко всему,
Чем дорожил он, безымянный предок.

Он не умел мечтать о пустяках,
Был так исполнен чести и отваги,
Что надпись, уцелевшую в веках,
Доныне возрождают на бумаге.

Восточный берег

Пропуск в море

Дай мне пропуск в море, пограничник!
Вместе с рыбаками пропусти.
За меня ответственности личной
Не придется никому нести.

Не пугай меня морской болезнью,
Качкою напрасно не страши.
Я ведь лучше знаю, что полезней,
Что нужнее для моей души.

Ты пойми, я выросла на юге,
Мне в разлуке чудятся всегда
Легкие рыбацкие фелюги,
Выгнутая синяя вода.

Я мечтала в жизни стать рыбачкой,
Я встречала на молу восход.
Не пугай меня морскою качкой,
Мне как раз ее не достает!

ВЗАИМОСВЯЗЬ

Когда легко и думалось, и пелось,
Когда казалось — трудности не в счет,
Не понимала, что наступит зрелость
И все, что было, вспомнит и учтет.

Хотя не спору: юность необъятна,
И это подтверждается поздней,
Когда поймешь, как опытность богата
Неповторимостью минувших дней.

ДЕТСТВО

Такой ли Феодосия была?
Воспоминанья детства так неточны!
А может быть, об этом я прочла,
И все придумал
Сказочник восточный?
Но был же,
Был же старый абрикос,
Касались ветки черепичной крыши...
Он во дворе у нас когда-то рос,
И от плодов он становился ржым.
И ослик был. Он на зиму возил
Нам антрацит.
Взбиралась я на козлы.
И горы были за двором, вблизи,
И крапинки на их вершинах — козы.
По вечерам спускались с гор стада,
В порту огни таинственно мерцали.
Дома на главной улице тогда
Казались двухэтажными дворцами.
Кончался город берегом морским.
Я не могла на волны наглядеться...
Все изменилось, стало все другим,
Одно лишь море
Синее — как в детстве!

Я прятала портфель под камень
И прибегала налегке.
Вернулась лодка с рыбаками,
Сушились сети на песке.

Еще корма блестела влажно
В кольце ребяческих голов,
А рыбаки ходили важно
И на весы несли улов.

Они вставали в рань любую,
Не разговаривали зря.
И розовела барабуля
У них в корзинах, как заря.

А мне земля казалась тесной,
И море синее влекло.
И было самым интересным
Из всех — рыбацье ремесло.

То ей хуже, то снова полегче,
Я касаюсь натруженных рук,
Утешаю: «Подлечишься — вместе
Мы поедем с тобою на юг...»

Как состарили маму заботы,
Голова на подушке седа.
Вспоминаю, как мама с работы
Шла у самого моря всегда.

Ей без моря, наверно бы, скука,
Без него бы могла грустить,
Но на север приехала — внуков,
О себе забывая, растить.

А теперь вот надежда во взоре,
Хоть не выставит чувств напоказ.
Знаю только, что память о море
Помогает ей лучше лекарств.

СТРИЖИ

Они как будто на бумаге,
На небе бледно-голубом
Молниеносные зигзаги
Прочерчивали за окном.

Их столько было рано утром
И предвечернею порой,
Что небосклон казался мутным
От их мельканья над горой.

Иной носился низко-низко,
Ловя у окон мошкару.
И вверх взвивался, словно искра,
Вдруг чиркнув клювом по стеклу.

В ответ, не удержась от вскрика
И восхищения полна,
Я над вьюнком, ползущим тихо,
Звенела створками окна.

И проносились возле крыши
И над черешнею стрижи.
А радость поднималась выше,
До неба строя этажи.

РЫБАЧЬЕ УТРО

Сеть перебирали напряженно,
Наклонялись над кормой без слов.
К сапогам сползал большой,
Тяжелый,
Словно ртуть, трепещущий улов.
Мелкую рыбешку на свободу
Вытряхнули в море, чтоб росла.
Снова сети опустили в воду,
Водоросли сбросили с весла.
И поплыли, разбивая пену.
Медленно гребли — не налегке!

...Утренний автобус, самый первый,
Только показался вдалеке.

ГЛУБИННЫЙ ЛОВ

Фелюга встала кормою к ветру,
Слетают брызги с крутой волны.
Тяжелых камбал подняли кверху
Из тьмы зеленой, из глубины.

Горячий воздух хватая жадно,
Открыли рыбы большие рты.
На ярко-красных махровых жабрах
Еще осталось чуть-чуть воды.

Рыбачат парни, а их качает.
И отражаются в их глазах
Качанье снасти, качанье чаек,
Воды играющей бирюза.

Ударит ветер, волна умоет.
Кивают парни: берись дружнее!
Корма, качаясь, кренится к морю,
А может, море кренится к ней.

Вот зеленою краской забор подновил...
Вот смородины куст посадил в палисаде...
Старый грузчик портовый, он все норовил
Что-то вырастить, выкрасить,
что-то приладить.

Но однажды гудел репродуктор в углу,
А хозяин на стул опустился без силы.
Умер в праздник, гостей поджидая к столу,
Видно, времени в будничный день не хватило.

ЮЖНЫЙ ГОРОД

Вечно морю теплому плескаться,
Кораблям пересекать залив.
Желтоватой зелени акаций
Зной любить, в безветрии застыв.
Горизонту быть бескрайне-синим,
Чтоб глядели с мола, щуря взгляд.
А фасадам городских гостиниц
Одеваться в дикий виноград.
Улочкам с трудом взбираться в гору,
Ртами окон повторять: жара!
Мне же снова видеть южный город —
Здесь когда-то в детстве я жила.
Здесь у древних башен вьются птицы
И звучит слышнее разговор.
Виден через каждую бойницу
Моря нетускнеющий простор.
Так мне дорог каждый камень серый
И такая между нами связь,
Словно я сама до нашей эры
В знойной сини Крыма родилась.

ЦВЕТЫ С КОРАБЛЯ

...И вот вдали, на корабле,
Зажглись огни сперва —
Внезапно вспыхнули во мгле,
Как в памяти слова.

Он приближался — шум волны
Его опережал,
И свет на взвихренной воде
Метался и дрожал.

Нагроможденье скал и глыб
Он осветил лучом —
Здесь экипаж его погиб
В сражении ночном.

И вот цепями якорей
Опять он громыхал,
И катер вез других парней
К подножью этих скал.

Их посылал средь темноты
Корабль в ночных огнях.
Пылали алые цветы
В обветренных руках.

НЕСПОКОЙНОЕ МОРЕ

Если штиль — для чего ж волнолом!..
Лишь мальчишек ныряющих стайка,
Лишь качнувшая плавным крылом
Неподвижно парящая чайка.

От нее уплывая, мальки
В глубину ускользнули мгновенно...
Вот на берег сошли моряки,
Направляются в город, наверно.

Стосковались по суше они,
И теперь — в настроенье хорошем.
Вот старик на скамейке в тени
Повествует соседу о прошлом.

А спокойного моря пора —
Не предмет для суровых рассказов,
Потому что опять крейсера
Поважнее рыбацких баркасов.

СЛОВО О КЕРЧИ

В ожиданье солнечного мига
Встречи, несравнимая, с тобой
Все ж позволь сравнить с открытой
Шелестящий на камнях прибой!^{книгой}

А когда ненастной порою
Море о былом заводит речь,
Слышу голоса твоих героев,
Их «ура-а!» отчаянное, Керчь.

Ноют ли затянутые раны
Непогодой скрытых берегов,
Иль восходят над водой туманы,
Как десант погибших моряков,

Никуда от памяти не деться,
Лишь добавлю, помня и скорбя,
Что война мое настигла детство,
Керчь, неподалеку от тебя.

Я б сказать осмелилась: близка мне
И любима мною, как сестра, —
Но суровы керченские камни,
Недоступна Митридат-гора...

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

Наш пароход качнулся на приколе,
А предыдущий — в море затонул.
А мины и потом взрывались в море,
И до земли докатывался гул.

Я поднималась первый раз по трапу,
Нас страховал встревоженный матрос.
А я рукой придерживала шляпу —
Боялась, как бы ветер не унес.

Открылось море, выгнутое круто,
А дальний выстрел хлопнул, как дверьми.
Была, как улей, каждая каюта,
И палуба полна была детьми.

И вот отчалил, гомоном нагружен,
Мой самый первый в жизни пароход.
Его и консервированный ужин
Нам предоставил Черноморский флот.

Махали крылья чаек на прощанье,
И расходился за кормою след...
Что в этом рейсе повезло случайно,
Я после осознала, повзрослев.

АДЖИМУШКАЙ

1

Ходы подземелья во тьме пролегли,
И ныне во тьме — не затем ли,
Чтоб в ней мы яснее представить могли
Ушедших когда-то под землю.

Их тысячи было: не сдавшись врагу,
Предсмертную выбрали участь.
Но чуял пришелец на каждом шагу
Подземного штаба живучесть...

Спускаемся в штольни с цветами в руках,
А спуск под ногами неровен,
И трауром вечности стелется мрак
Разбуженных каменоломен.

2

Кто-то, умирающий от раны,
В трех шагах не виден в темноте.
Кто-то рядом, обликом туманный,
С неотвязной мыслью о воде.

Ртом припав, высасывает влагу
Из сырых, из пористых камней,
Потому что жестяную флягу
Как ни опрокинь — ни капли в ней.

А вода в камнях солоновата:
По соседству — Керченский пролив.
Но нутро воспрянуло б солдата,
Жажду и такую утолив.

Только нет, во тьму вперяясь взглядом,
Дорожа живительным глотком,
Он спешит к тому, кто стонет рядом,
С кем совсем недавно он знаком.

Он его с земли не приподнимет,
Но опять прильнет к губам, как брат...
Как его, как раненого имя —
Не откроет
Даже боль утрат.

3

Недалеко от пролива, на суше,
Зорче глаза, осторожней шаги.
Здесь, где подземную крепость обрушить
И уничтожить пытались враги,

В точности место укажут керчане,
И отшатнешься, увидев провал.
А над могилою братской молчанье:
Сами собою смолкают слова.

Здесь, в подземелье, где своды осклизли,
Где забываешь небесную высь,
Так неожиданно об оптимизме —
Светом во мраке — рождается мысль.

Были подземные спуски оплотом
Веры в отважный высокий порыв
И в возвращение нашего флота,
В освобожденный в сраженье пролив.

ВЕРНОСТЬ МОРИЮ

Он переулочком, где мы живем,
Еще и звезды не совсем погаснут,
На берег отправляется к баркасу,
И мы его до вечера не ждем.

Седой, как шторм, артельный бригадир,
Он предан рыбакам трудом и словом,
Он, занятый сейчас прибрежным ловом,
Каких глубин за жизнь не проходил!

Враждебную морскую глубину
Непоправимо помнит минным полем
И говорит, что щедрость жизни понял,
Провоевав подводником войну.

Он с морем не расстался и потом.
Раскуривает трубку молчаливо,
Оглядывая серебро залива
Со взгорья, где решил построить дом.

ДАВНИЕ МЕСТА

Я не забыла давние места.
О них воспоминания так живы,
Что связывают с ними, словно жилы,
Но там сейчас такая пустота!

Для сердца пустота, а не для глаз,
А впрочем, и для глаз, раз сердцу пусто.
Ах, если бы мне было только грустно,
Мне больно возвращаться к ним сейчас.

Там каждая тропинка, как строка
Написанной мне дружеской записки,
Но тех, кто написал, с кем были близки,
Уже не встречу там наверняка.

И лишь воображение хранит
Все, как того хочу: без измененья.
Как будто можно быстрые мгновенья,
Не убивая их, одеть в гранит!

ДЫХАНИЕ МОРЯ

Я слышу в крови моей
Родное дыханье твое,
Черное море!
Ты так далеко от меня,
Что я закрываю глаза,
Чтобы видеть тебя,
И волны твои
Чуть колышут
Морскую траву на камнях,
Рыжую и зеленую.
А осенью поздней
По пляжу брожу,
И рядом ни одного человека,
Лишь волны взлетают с разбегу,
И брызги в мое попадают лицо.
А на душе
Так легко и привольно,
Словно юность моя
Протянула мне руки,
Из пены твоей возрождаясь.

Мы в старом доме сделали ремонт,
А дом стоит недалеко от моря:
Спускаешься тропинкою прямою
И видишь побережье и порт.

Мы здесь всегда проводим отпуска,
Не потому, что здесь места красивые,
А потому, что здесь вот и росли мы,
И любим с детства эти берега.

А так — есть и красивее места,
А так бы что, да здравствует полсвета! —
Когда б не тропка узенькая эта,
Что привязала к морю навсегда.

Мне здесь еще пожить бы,
Мне бы снова
С полдненным зноем встретиться лицом.
На козьих тропках солнечного склона,
Я с детства помню,
Пахнет чабрецом.
Не понимала,
Что была счастлива,
Когда, поднявшись по тропе крутой,
Всю ширь феодосийского залива
Я видела с горы перед собой.
Глядеть бы и теперь, не разлучаясь,
На светлый утром, потемневший днем
Морской простор, на белокрылых чаек,
На краснокрылый флаг над кораблем.

РОДСТВО

Так меня поманила вода,
Что, забросив работу по дому,
Я сумела спуститься сюда
Вот по этому склону крутому.

Я своя — не спугнула с камней
Безмятежное общество чаек,
Здесь такое доверье ко мне,
Словно берег его излучает.

Я своя, и поэтому храбр,
Из воды появился на камне
И в глаза мне уставился краб
Так спокойно — хоть трогай руками!

И от малого камня — до той
Беспредельной черты горизонта
Я расту, вырастаю душой,
Отрешенной, внимательной, зоркой.

КРАБ

Поймали краба водолазы
На дне морском, где меркнет свет.
Он, желтобрюхий, пучеглазый,
Жил под камнями много лет.

Ему спина — лиловый панцирь —
Служила прочною броней.
Как угрожал он нашим пальцам
Своей тяжелой клешней!

Он был по-своему красавец.
Мы, чудо-пленником гордясь,
Решили море предоставить
Ему, зачерпнутое в таз.

Краб жил в тазу, ел мясо чинно.
Мы так заботились о нем!
Но яркий панцирь, дар пучины,
Тускнел у краба с каждым днем.

Краб словно не был рад, что выжил.
Хоть тронь — спокоен все равно:
Клешни уперлись неподвижно
В эмалированное дно.

ЛЮДИ И ДЕЛЬФИНЫ

Вокруг, синяя, дремало море,
И дальний берег казался синим,
Когда поблизости, за кормою,
Раздвинул воду плавник дельфиний.

Спина другого дельфина рядом,
Над гладью моря, всплыла уруго.
За ней единым пытливым взглядом
Следили люди, тесня друг друга.

Палило солнце, расставшись с утром.
Все забывали, что мучит жажда,
Пока дельфины играли с судном,
В воде мелькая, лоснились влажно.

Они, играя, ушли в глубины.
А люди щурились над кормою
И долго ждали, когда ж дельфины
Всплеснут хвостами и взроют море.

ДОЖДЬ В КРЫМУ

С утра трещит, разламываясь, небо,
Трепещут удивленные сады.
В них дождь сто дней и мимоходом не был,
И вдруг — потоки хлынувшей воды.

Оправиться не хочет от испуга
Листва пирамидальных тополей.
И слышно, как размашисто, упруго
Тяжелый ливень хлопает по ней.

Морской залив, еще недавно синий,
Весь тенью дождевой заволокло.
Стодневный зной, внезапно обессилев,
О берег раскололся, как стекло.

В НЕПОГОДУ

Над морем тучи надвигаются,
А волны катятся гудя.
Сосна — угрюмая красавица
Едва спасает от дождя.

Усыпан хвойными иголками
Вмиг приглянувшийся приют.
А волны брызгами прогорклыми
Сюда и в шторм не достают.

Воспоминанья ливнем хлынули,
Смывая новые следы.
Тогда, к сосне прижавшись спинами,
Вдвоем спасались от воды.

Я не замерзла, я оттаяла,
Твоим согретая плечом...
А чайки мечутся отчаянно,
А ведь не знают ни о чем.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Здесь легендами стены обвиты,
Словно темной листвою плюща...
Ханский трон...
Раболенная свита
На коленях ползла трепеща.
Хан был властен
Над душами всемп,
Да не властен он был над своей.
Снова
Девочку в тесном гареме
Вспоминал удрученный Гирей...
Приходил — а рабыня не рада,
Все глядела зверьком из угла, —
Не узнать,
От болезни, от яда,
От тоски ли она умерла.
И фонтан в знак владычьеи печали
Возвели, чтоб на мрамор доски
За слезою слезу источали
Этих выбитых роз лепестки.
Но дворец был по-прежнему душным,
В нем раздолье — плетям да пожу...
Говорите — любовь!
Равнодушно
Я на слезы фонтана гляжу.

НА АУКЦИОНЕ

Помнишь, продавали лошадей?
Иностранцам. На аукционе.
Серые, гнедые — всех мастей
Гарцевали холеные кони.

И к себе оборотила лица,
Разомкнула торгашей уста
Рыжая степная кобылица
С белым шелком гривы и хвоста.

Восхищенье вырвалось, как стон...
Наши степи словно обобрали:
Выложили доллары на стол,
А зарю и ковыли — забрали.

НАД КАРЬЕРОМ

А карьер пролегал, что река,
Хоть не мог сохранить он прохладу:
Справа — горы земли и песка,
Слева — срезы, открытые взгляду.

Обнаженность заржавленных жил
Даже здесь не казалась обычной, —
То ли ковш над рудою кружил,
То ли коршун над крупной добычей.

Нет, все-таки не вздыбленное взгорье
С уступом наподобие крыльца,
Я степь люблю, открытую, как море,
Которой нет ни края, ни конца.

Такой простор, обласканный ветрами,
Чтоб ни во что не упирался взгляд,
Когда закат пылает вечерами,
А ночью звезды жгучие горят.

ПОСЕЛОК

Безбрежно море, по суха земля,
Она местами здесь седа от соли,
Привычна к ветру, и от ветра с моря
В поселке серебрятся тополя.

Вздохнет приезжий: не на что смотреть,
Так пропылился на ветру поселок.
Но так вдруг вспыхнет стеклышка осколок,
Что целый город можно обогреть.

РЫЖИЙ ВОР

Замер дед, схоронясь за ограду.
В лунном свете качнулась лоза.
Так и есть: под кустом винограда
Тонкой мордочкой водит лиса.

Что ни полночь, у сторожа кража.
Но тоскует по зверю заряд..
Зря, что ль, бабы за кустиком каждым,
Как за малым ребенком, глядят.

Каждый куст их руками подвязан,
Зреют гроздья у самой норы.
Дед пальнул из ружья и... промазал,
Только эхо скатилось с горы.

Словно не было рыжего вора,
На кустах от луны полоса..
Как тут бабы уймешь разговоры,
Что мерещится деду лиса!

Дотерпеть бы мне
Только до лета, до юга,
Только море бы мне
Да полоску песка.
Одолели меня,
Завертели, как вьюга,
Наши ссоры с тобой
И молчанья тоска.
Мне б стоять над водой
На рыбацьем причале,
Видеть отсветы солнца
И камни на дне,
Чтобы взгляд мой
Зеленые волны качали,
Чтоб бакланы кружились
Чуть-чуть в стороне.
Мне бы чувствовать
Моря нагретого запах.
Этим запахом крепким
Весь берег пропах.
Мне бы горечь волны,
Налетевшей внезапно,
Вместо горечи слов
Ощутить на губах.

НА РОДНОМ БЕРЕГУ

Дорога к морю и холмы, как плечи,
Чьи очертанья круглые легки,
И на душе все радостней и легче,
Как от пожатья дружеской руки.

Когда же незаметно одолела
Знакомый путь и на песок легла,
Я ощутила и душой, и телом,
Что здесь исток глубокого тепла.

И, слушая рассеянно сквозь дрему,
Как бьются волны, галькою скребя,
Я берега осеннюю истому
Вбирала с наслаждением в себя.

И может, невеликую затею,
Но все-таки исполнила не зря,
Ведь даже всемогущему Антею
Давала силу отчая земля.

ПОСЛЕ ШТОРМА

Морской капусты кружево, клешня,
Кругляшки стекол, сточенных водою,
Ракушка с водорослью — бородою —
Всё на песке, где горячо ступням.

Еще бежали волны по камням
Последней затихающей грядой —
Какою-то неясною бедою
Повеяло с побережья на меня.

Оставшись после шторма на песке,
Всё, высыхая, становилось сором,
Напомнив то, что было вдалеке:

Всё мелочь бы, подхваченная ссорой,
Но вспомню обо всем — и боль в виске,
Так на душе, как будто якорь сорван.

НА ПРИСТАНИ

Закрыв в то утро прочие суда
Ваш теплоход высокими бортами.
Ах, если б догадаться мне тогда,
Что вы со мной не просто поболтали

Что лишь ко мне хотелось подойти,
Чтоб высказать прочувственное слово
О том, что вам порой, как взаперти,
Средь волн, вдали от берега родного.

Но вас я с запозданием поняла —
Взметнуться бы над качкою морскою,
Волненье простерев, как два крыла,
Когда вы помахали мне рукою.

Но я стояла, как окаменев.
А учащенной сердце застучало,
Когда буксир, оставив берег мне,
Помог вам развернуться у причала.

Его б не задержала и мольба.
Смешалась я с рдеющей толпою.
Понять осталось: то была судьба,
И сожалеть: не ставшая судьбою.

Когда уходят в море корабли
И заслоняет их простор зеленый,
Тут что-то есть от той неразделенной,
Высокой, но мучительной любви.

Покинутая пристань о морях
Лишь по рассказам, понаслышке знает,
За горизонтом мачты исчезают,
И вслед им смотрит преданно маяк.

ИМЯ ДЕРЕВА

Непогода во владенья лета
Ворвалась, доспехами звеня.
Помню я, от ливня и от ветра
Защило дерево меня.

С той поры одно меня печалит,
Лишь припомню к морю спуск крутой:
Не узнала я, как величают
Дерево с раскидистой листвой.

Словно я, напуганная ветром,
У камней, где плещется залив,
Повстречалась с добрым человеком,
Как зовут, спросить о том забыв.

Сила привычки

ТЩЕСЛАВНЫЙ РУЧЕЙ

Он вездесущ, он полая вода.
Он снег впитал, его остаток зимний,
И напоил без всякого труда
Лужок, расположившийся в низине.
И оттого, что затопил кусты,
Не справясь лишь с верхушкою пагою,
С великой Волгой перешел на «ты»
И стал он снисходителен с Окою.
Когда же время на свои места
Поставило и реки, и озера,
Укрылся он в раскидистых кустах
От солнечных лучей, как от позора.
Его теперь переходили вброд,
Он высыхал, все более мельчая.
Общительный мальчишечий народ
Спешил к реке, его не замечая.
Но перед ним, пустычным ручейком,
Тяжелый жук забуксовал, как трактор,
И он взыграл, открытием влеком:
— Все в жизни относительно, вот так-то!

БАСНЯ О ПАУКЕ

Паутину плел паук,
Не любя полета,
И ловил наивных мух
В пыльные тенета.
Вдруг пустился наутек —
Веник взмыл под потолок.
Паутину снял слегка,
Не достав до паука.
Он забился в уголок,
Жалок от испуга.
Не пошла, однако, впрок
Пауку наука.
Пооправился — и вот
Паутину вновь плетет.

СЛОЖНАЯ НАТУРА

Он эгоист лишь дома, лишь в быту,
Зато на службе (не поймите ложно!)
Такую проявляет доброту,
Как будто мыслит противоположно.

Он сложная натура, в этом суть:
Лишь дома черств, на службе —
там напротив,
Там в черствости не могут упрекнуть —
Работы с подчиненного не спросит!

ВОСЬМОГО МАРТА

У нас в квартире переменной этой
Все были прямо ошеломлены:
Сосед разогревал себе котлеты,
Орудовал на кухне без жены.

Жена собралась утром на работу,
А муж, встречая благодарный взгляд,
Пальто ей подал
И с такой охотой,
Как до женитьбы, десять лет назад!

ИДОЛ

В квартире культ шикарного ковра,
Он постлан на пол, и о нем радеют.
На нем детишкам всякая игра
Запрещена: ковер, де, стоил денег!

Хозяйка поклоняется ковру —
Кругом обходит, словно виновата.
А старый кот уже не ко двору,
Его — в рюкзак и занесли куда-то.

Чтоб идолу семейному польстить,
Хотя доставлен он из магазина,
Табличку — «По газону не ходить!» —
Среди ковра хозяйка водрузила.

ДВОЕ НА МОСТУ

Мост переброшен через магистраль,
Над рельсами раскинулся просторно.
— Смотри, какая приоткрылась даль! —
Воскликнул первый, загорясь восторгом.

Второй, стоящий тут же на мосту,
Взглянул на рельсы в переливах света:
— Как совместить такую высоту,
Такой размах и вот хотя бы... это!

И указав, решительно притом,
Куда-то вниз, нахмурился, поскольку
Картину портил мусор под мостом,
Хотя давно закончили постройку.

ЧЕРЕМУХОВЫЙ ХОЛОД

Бывает, ошибается прогноз:
Предсказывает ясную погоду,
А на дворе иронии в угоду
Дождь не проходит — словно в землю врос!

Бывает, предсказания верны,
И нет вины точнейшего прогноза,
Что грянул гром во время сенокоса
И мы в ближайший дом водворены.

Насмешничают ливни и жара
Над человеком, будь они неладны!
Однако почему всегда прохладно,
Когда цвести черемухе пора?

Угадывает неизвестно как
Она для расцветания погоду.
А человек не чувствует природу
И часто попадается впросак.

В космический необозримый век
Среди своих открытий и свершений
Прислушайся к родной природе, гений,
Коль ты и вправду умный человек!

СИЛА ПРИВЫЧКИ

В селе Заречном года три назад
Построен современный дом культуры.
Его огни обрадовали взгляд,
А вот директор показался хмурым.

И верно, не веселые дела,
Когда пустуют залы и читальня,
А дом культуры — посреди села,
И путь сюда как будто бы недалёкий.

Не зазовешь афишею народ
И ни за что не убедишь словами.
И ходят по привычке в старый тот,
А ведь отапливается... дровами!

Но на губах застывшие слова
Мне подсказали суть стихотворенья:
Привычнее... хорошие дрова
Плохого парового отопленья.

Маленькие поэмы

ЖАР-ПТИЦА

1

Приехать в незнакомый город почью
И убедиться наконец воочью,
Что первый раз не ждет тебя никто.
Лишь ветер бьет в лицо тебе и точно
Сорвать с тебя пытается пальто.
С дипломом лишь
(единственным приданым!),
В промокших туфлях, с жалким чемоданом
Ждать на вокзальной площади такси
И показаться вдруг себе нежданной,
Незваной гостьей в глубине Руси.
И не гордиться, что диплом — с отличием,
Лишь чувствовать себя полумосквичкой,
Прожившей в общежитии пять лет.
Стоять и удивляться с непривычки,
Что ярче звездный, чем рекламный свет.
Разглядывать под небом проясненным
Ночных берез дворцовые колонны
И низкие постройки в темноте.
И не поверить в огонек зеленый,
Как ненароком сбывшейся мечте.

2

Не площадь — заколдованное место!
Сидеть в такси, затормозившем резко,
И услышать в двенадцатом часу,
Под небом, испещренным звездным блеском:
«За Волгу не могу, не повезу».
Наверно, от усталости обидной
И оттого, что в темноте не видно,
Шоферу пожилому (ловкачу!)
Сказать (потом и вспомнить будет стыдно):
«А может, сговоримся... заплачу!»
Я заплачú... (А может быть, заплачу!)
Не знаю, понял так или иначе,
Но дверцу он захлопнул посильней,
Пунктир огней дорогу обозначил...
Какое счастье мчать в такси по ней!

3

И замереть, как в ожиданье взлета,
Забыть на миг о всех своих заботах,
Когда просторный мост в ночных огнях
Вдруг выгнется за первым поворотом,
Как будто плечи, берега́ обняв.
И вот увидеть Волгу под собою:
На темных волнах серебро рябое —
Отсветы от прибрежий и моста...
На миг возникла, чтобы стать судьбою,
Реки необозримой красота.

4

На расстоянье трудности мы любим!
— Домой, что ль, едешь?

— К незнакомым людям...
 Дала подруга адрес этот.
 — А-а...
 За Волгой ветер переулки студит,
 Пронизывая старые дома.
 Вода в колонке, ставни, пес сердитый —
 Приметы неустроенного быта.
 Ни лампочки... Вот место! (А в Москве
 Сейчас светло, метро еще открыто.)
 А здесь — канава западней в траве,
 А здесь — дорога, вязкая от глины.
 (В глазах еще Москва: балет старинный
 И ярусов затихших полумрак.
 Воздушные движенья балерины
 Из памяти не выбросить никак!)
 А здесь — деревьев частые верхушки.
 Окраина, а может, деревушка
 И крайний покосившийся забор.
 А дом за ним — высокая избушка,
 Повернутая выходом во двор.

5

Стучаться долго в темное окошко,
 Но не услышать в тишине сторожкой
 Шаги за дверью или звук другой.
 Перед избушкою на курьих ножках
 Ждать зря свиданья с бабою-ягой.
 И понимать, что рассветет нескоро,
 Не надо было отпускать шофера.
 Расстроиться, отчаяться почти,
 Покинуть двор и — чудо: у забора
 Опять увидеть огонек такси.

6

— Куда ж теперь ты?
— На вокзал пока что... —
Усталость — от отчаянья лекарство:
За нею сны плывут, как облака,
И, нежные, влекут в такое царство,
Где жизнь, как рядом с мамою, легка.
Уже сквозь сон:
— ...так ты сюда работать...
А город наш красивый: воп растет как! —
Вдали многоэтажные огни
Желтели, как громаднейшие соты, —
Казались недоступными они.

7

На прежнем поле, около дороги,
Пока не дом, кощеевы чертоги —
Семь с половиной этажей пока.
Здесь небо почернело от тревоги,
Что обожжет прожектор облака.
«Эй, кран давай!» — кричал внизу рабочий.
Кран рокотал и медленно ворочал,
Покачивая в воздухе, плиту.
А каменщики в тишине полночной
Выравнивали кладку: тук-тук... тук.
И наклонился сварщик над зарницей.
Казалось: он сумел поймать жар-птицу,
И птица трепетала у него
Для поддержанья сказочных традиций
И чтоб не погибало волшебство.

8

За улицами с новыми домами,
За трубами, за бурыми дымами
Защитных стен окаменелый дым.
Чуть освещенный дальними огнями,
Кремль белостенный кажется седым.
Мерцает тускло купол колокольни.
С нее — весь город словно на ладони:
Всех фабрик и заводов корпуса,
И Волги величавое раздолье,
И синие заволжские леса.

9

Заволжские леса увижу после...
На перекрестках светофоры мерзли,
Совсем замолкли отголоски дня.
Подъезд. Такси остановилось возле:
— Ты вот что, заночуешь у меня...
А утром встала — розовели стены,
Но спал хозяин, воротясь со смены,
С ночных своих, негаданных дорог.
Лишь тек живой водой,
Проникновенно
Жены шофера волжский говорок...

10

Мне дорогá доньше эта встреча,
Душевность волжской окающей речи.
Я этот говор в сердце берегу —
Я словно родилась сама в заречном

В поселке, на высоком берегу.
И кажется, что сызмальства знакомы
Полет мостов, медлительность парома,
И в Волге отраженные дома,
И баржи проплывающей огромность,
И теплохода легкая корма.
Мне все дороже этот город древний,
В густых лесах окрестные деревни.
Меня чаруют здешние места:
Могучие заволжские деревья,
Волжан гостеприимных доброта.
Жить, не мудря, но быть красивой, шире
Цветов на окнах, тишины в квартире.
Быть щедрой, близкой людям, как родня,
Как те, что ночью поздней приютили,
В своем краю приветили меня.

СОСЕДКА

Мы с соседкой что береза с елкой:
Елке тесно, а березе колко.
Сух мой взгляд,
Ее ли недоверчив —
Встретимся на кухне:
— Добрый вечер...
А верней бы — не добрее злого:
Ни она, ни я потом — ни слова.

Даже в праздник в хлопотах соседка
О родне, о муже да о детках.
И опять глава семьи, увы,
Не поднимет мутной головы,
За столом шумит среди гостей,
Прежде чем отправиться в постель.

Я на жизнь смотреть стараюсь шире
Сложностей соседства по квартире.
И за дверью, наглухо закрытой,
Ожидаю перемены быта.
А сижу я в комнате своей —
В двери стук и следом из дверей
Голоска минутная печаль
И вопрос ко мне, не занята ль.
А задачек хитрые вопросы
Очень просты в объяснении взрослых.

«Что качели — дочкины отметки, —
Вырвалось признание у соседки, —
Видишь, дома подсобить ей некому,
А, должно, в задачках не кумекает».

Парнишка рослый
 В тельняшке матросской
 скороговоркой:
 — Передайте соседке —
 детки
 по Волге вверх,
 а вещи вниз, э-эх!
 На другом пароходе, в лагерь другой —
 лишь мост дугой!
 Снимались с якоря —
 младшая плакала...
 Налегке
 вверх по реке,
 кроме ваших, двое двойняшек.
 Виноваты во всем мамыши:
 вещи сунули не туда.
 Но не беда,
 не пропадут вещицы,
 если поторопиться.

Опыт жизни не дается дешево:
 Свеженький асфальт, а я — подошвами,
 Не узнать дорогу,
 Что лежала в трещинах.
 Эй, жилетов охру
 Замечай на женщинах!
 Я, соседку разыскав среди жещиц,
 Рассказала о произошедшем.
 Что сказала о себе она,
 Думаю, слыхала я одна.
 На троллейбус я, спеша обратно,
 Помогла другим — самой приятно.

А соседка воротилась к ночи,
В лагерь лесом шла, чтоб покороче.
Руки были заняты вещами —
Комары от радости пищали.
Я спросила, словно пристыдила:
«О двойняшках не предупредила?»
Говорит легко, как Волга плещет:
«И двойняшкам отнесла я вещи».
Я смутилась: «Как? в лесу плутая?»
А она: «Ведь знаю те места я...»
В тех местах деревня-невеличка,
В ней знакомо каждое крылечко,
В ней к соседям заходи без стука —
Три избушки, дальняя округа.
...Не забыть вовеки тишину:
Мужиков забрали на войну,
Бездорожный снег на много верст,
А до окон школы — как до звезд.
Не смогла тогда она учиться,
Хоть воспоминание лучисто.

Думаю: прощай, переезжаю,
Ты мне стала словно не чужая,
Мне как будто расставаться жаль
Оттого, что встретимся едва ль.
Если все ж, случайностей раба,
Нас сведет когда-нибудь судьба —
Устремлюсь к тебе, узнав в прохожей,
Вспыхнет, словно лампочка в прихожей,
Общим будет пониманья свет
Через год ли, через десять лет.
Сомневаться, думаю, не надо:
Ты, как я, той встрече будешь рада.

ДОЛГИЙ СВЕТ

*Памяти
Ольги Ивановны Назаровой*

I

Вы с мамою сестры родные,
Я жизнь вспоминаю твою.
Письмо не напишешь отныне,
Лишь старые вновь достаю.
Безликим туманом забвенья
Не скрыты и духом чисты,
Мне видятся в эти мгновенья
Твои золотые черты.

II

...Здесь море от солнца искрится,
Здесь красной покрыт черепицей
Саманный приземистый дом
С широким, как небо, окном.
Но послевоенное лето —
Смешение тени и света:
— Родная, сестру обними,
Приехала вместе с детьми!
У нас безотцовское детство,
Войны отгремевшей наследство.
Родная, объятья открой,
Навеки светясь добротой!

III

Я помню во дворике тесном
Большое плетеное кресло.

Но рядом росли не цветы,
А лишь помидоров кусты.
Над грядкой голодные взоры:
— Ну, где же они, помидоры?
И в густо-зеленом в ответ
Краснейший проглядывал цвет.
Один помидор, а назавтра
Их несколько — к хлебу на завтрак.
И помню я: сбоку стола
Сидишь ты, лицом весела.
Твой взор, одолевший унынье,
Я помню, родная, доньше.
Да только пустует твой дом
И место твое за столом.

IV

Тетрадки знакомые стопкой
И время полночной тиши.
Был труд твой учительский соткан,
Я знаю, из нитей души.
А ныне, наверно, колонны
Взросших питомцев твоих.
А помню твой профиль склоненный
И свет над тетрадками их.

V

Ты в нимбе, в серебряном дыме —
Когда они стали седыми,
Полночные волны волос?..
Прости мне беспечный вопрос!
Мы виделись каждое лето,

Пришла седина незаметно,
 Подкралась — к твоей голове,
 Пока я училась в Москве.
 Училась — одна лишь забота,
 А ты, продолжая работать,
 Ты слала мне в точные сроки
 К стипендии пенсии крохи.
 И я не сидела голодной,
 Не мерзла в одежде холодной —
 Вот так, из Москвы не видна,
 Густела твоя седина.

VI

Здесь розы цвели у порога.
 И помню: ни слова упрека,
 Что снова, приехав едва,
 Я там уж, где синь-синева.
 А сердце от радости пело.
 Увы, я понять не успела,
 Любуясь простором морским,
 Как грустно становится с ним,
 Как мало распахнутой сини
 Без капли надежды всеильной,
 Что встречу, вернувшись назад,
 Родной понимающий взгляд!

VII

Остыну к морскому избытку,
 Во дворик открою калитку:
 Все тот же морщинистый ствол,
 Все тот же под деревом стол.

И заняло прежнее место
Все то же плетеное кресло,
Но рядом — другие цветы,
Которых не видела ты.
Ты их никогда не увидишь,
Из дома навстречу не выйдешь.
И часто с печалью земной
Раскланиваются со мной
То женщина вдруг, то мужчина —
Твой выпуск последний, твой класс!
Но сблизила нас не кончина,
А свет, что еще не погас.

СЧАСТЛИВЫЙ ПЛЕС

1

Приуныв, решаешь ты: развод! —
 Как всегда, к утру сменившись с вахты.
 А друзья сочувствуют:
 — Да ляг ты,
 Отдохни, письмо еще придет.
 Ты и сам надеялся, но вот
 К пристани причаливали снова —
 Пачка писем, а тебе — ни слова.
 И опять, как шок, развод! развод!

2

А тогда любимой красота
 Так очаровала после свадьбы,
 Что тебя напрасно стала звать бы
 Синь реки — туманная мечта.
 И, не тяготясь своей уступкой,
 Разлучился ты с бессонной рубкой,
 Только бы порадовать жену.
 Уступив ей, вместе с ней поверив,
 Что для счастья нужен только берег,
 Что меж берегами — как в плену.

3

А ведь знал: в родном краю весну
 Любишь за разбуженность речную.
 Не жену к друзьям — реку ревную —
 Удивлялся, подходя к окну.

А река звала на расстоянье,
И, ожив в крови твоей, призыванье
Сердце завоевывало вновь.

4

Как теперь жена ни прекословь,
Не уступишь ей в семейной буре.
Но она молчит, лишь брови хмурит,
Два крыла упрямых — к брови бровь.
Хмур и ты, ни слова в оправданье.
Бритва и рубашка — в чемодане.
Сына, уходя, поцеловал.
Впереди река, свежайший ветер
И работа лучшая на свете:
Плес знакомый, рубка и штурвал.

5

Встал к штурвалу — с этого момента
Есть лишь плеса блестящая лента
Да речных излучин завитки.
Города ль, деревни у реки
С этого ли берега, с другого ль
Повторяют окающий говор —
Говор волн и Волги, и Оки,
И реки, что их намного уже,
Лишь весною судоходной Унжи.

6

Вешней Унжи затопил разлив
Берега, и островки, и мели...

Мы тепло надежное имели,
Да лишились, от него уплыв.
И пенять ни на кого не нужно,
Мы с тобой во власти двух стихий:
Увлекли навек меня стихи,
А тебя — стремительная Унжа.
Или, может, сожалеешь, штурман,
Что вернуться на реку надумал?
Нет. Нет. Нет! Но маешься, любя.
Не могу помочь тебе советом,
Хоть сама пережила все это
И не отказалась от себя.

7

А когда в свободную минуту
Снова зашагаешь ты по юту,
Я твоих раздумий не спугну
Ни докучным взглядом, ни вопросом.
Может, вспоминаешь ты над плесом,
Как недавно шел встречать жену:
Холодок неоповых свечений,
Перекресток, институт вечерний.
Там, в окне, венец ее косы,
Прочее — туман, смешенье пятен, —
Ждал ты окончания занятий,
Глядя то в окно, то на часы.

8

У запястья тикая, часы
Развели тебя с мечтою хрупкой.
Снова танкер, вахта — перед рубкой
Колыханье водной полосы.

Ты к бипоклю простираешь руку,
Ослепив прожектором излучку.
Даже рад сейчас, что ночь темна,
Что черна, как тушь, вода за бортом,
Рад, что по почам трудней работа
И вниманья требует она.
А минуты единенья с плесом,
На котором начинал матросом, —
В тьме унынья счастья огоньки.
И настолько на своем ты месте,
Что за дни отступничества мезью
Не грозят излучины реки.

9

К ней припоровились речники:
Здесь река течет петлею круглой,
Там изгиб ее, почти как угол
Или локоть согнутой руки.
Пароходов встречные гудки,
Спины барж, держащих путь обратный,
Да плотов скрипучие заплаты,
Да сигнальных знаков светляки.
Лишь весною Унжа судоходна,
Вот и поспешает ежегодно
Флот сюда, едва растает лед.
Хоть и есть дороги по соседству —
Только Унжа здесь, как вепа к сердцу,
В глубь лесов пехоженых ведет.

10

По верховью медленно плывет
Танкер, до отказа нагруженный,

И волна качает отраженный
 Утреннею Унжей небосвод.
 Вахта вновь сменяется. И вот
 Ты уходишь вниз, к себе в каюту,
 Где открытья, а не дань уюту —
 Книги, к переплету переплет.
 Ты устал. Пока что не до чтения.
 Узкой койке отдал предпочтенье.
 Над тобой уже витают сны,
 Изменяя лица и предметы.
 Но, как прежде, хмураясь, ждет ответа
 Нежное лицо твоей жены.

11

Глянули глаза, любви полны,
 Иль весенний луч зеленоватый
 В этот миг скользнул в иллюминатор —
 Ты проснулся. Улетели сны.
 Вынута и смята папироза:
 Душу, нет, не оторвать от плеса,
 Но и боль не вырвать из души.
 — Ох, дилемма! — думаешь с тоскою...
 Чтоб отвлечься, справиться с собою—
 Взгляд наружу: сосны, ни души.

12

Здесь твою каюту покачнуло
 Так, что свитер сполз со спинки стула, —
 Дал себя почувствовать причал.
 Стало тихо: двигатели смолкли.
 (Ты опять о том, что от размолвки
 Ты развязки этакой не ждал).

Звук насоса — выгрузки начало.
Вдруг над головой, как шум обвала,
Голос из динамика: аврал!

13

Все наверх! А что насос затих,
Дав минутам течь куда попало?
В трубы, под землей, вода попала,
Пробкой льда закупорило их.
И — аврал! Костер уже возник.
Он под ярким солнцем лишь дымится,
Но трещит, заглядывает в лица,
Согревая под собой ледник.
Кто из местных, кто из экипажа —
Никого не пощадила сажа.
Рубят сухостой со всех сторон
Иль ломают сильными руками —
Должен лед растаять, ведь не камень!
Ждет с зимы горячего район.

14

Тут забудешь о жене и доме:
Ненасытен огонек, хоть скромн —
Так вбирает мерзлота тепло.
Вся бригада сборная устала,
Но легко вздыхает: ясно стало,
Что по трубам топливо пошло.

15

Продолжая странствие речное,
Спишь ты перед вахтою ночью,

Наконец-то напрочь утомлен.
 Спи, двойник мой, нам пора проститься,
 И пускай в пути тебе приснится
 Дом далекий — будет вещим сон.
 Верь, слова мои — не пустословье:
 Ты получишь, возвратясь в низовье,
 От жены письмо — пришло давно,
 Уменьшая судеб наших сходство.
 Не пробудит чувства превосходства,
 А взволнует нежностью оно.

16

Да! Взволнует нежностью оно
 Самой верной: к маленькому сыну.
 Было так: он к стулу стул придвинул.
 Это — судно. И отплыть должно.
 Обернулась комната рекою,
 Помахал он матери рукою,
 Объясняя ей издалека:
 «По реке плыву под облаками...»
 И душа оттаяла — не камень...
 Вот что ты наделала, река!

17

А судьба — она ль не широка!
 Верю, Счастье — вот ее названье,
 Коль слились любовь в ней и призванье,
 Словно в Волге — Кама и Ока.

СОДЕРЖАНИЕ

Всё, чем жила и чем живу	5
------------------------------------	---

ВЕЛИКАН

Ярославль в снегу	6
Областные города	7
Дивная гора	8
«Если правда, что на расстоянии...»	9
Глаза друга	10
Белогривая тройка	11
В Ивалове	12
Ткачиха	13
«Разгадана, развеяна она...»	14
«Ты улыбкой, как солнышко, брызжи...»	15
На острове	16
«И опять, опять простор великий...»	17
Поезд из Хабаровска	18
Великан	19
Лестница	20
Переулок	21
Старые дворы	22
Дорога	23
Свет в почве	24
Утро	25
Грачи прилетели	26
«Душа, как суверенная держава...»	27

ВСТРЕЧА С ОТЦОМ

Звезда	28
Папины письма	29
Подарок	30
Встреча с отцом	31
Терновый куст	32
Счастье	33

ИЗ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

Поиски	34
«Верю я: окрыляет счастье...»	35
Легенда о фотоснимках	36
«Стали тени к полночи короче...»	38
Лирическая зачетная	39
Киоскер	40
Обиды	41
Дождь	42
Облака	43
Деревья	44

СТРЕЖЕНЬ

На реке	45
Водный путь	46
«Пароходство...»	47
Возвращение корабля	48
В затоне	49
Школьник	50
«Естественно, как шелестит листва...»	51
Под Москвою	52
Суздаль	53
Северное лето	54
Свирь	55
Начало весны	56
«И вот плыву капалами на север...»	57
«Как полюбишь сильнее всего...»	58
Речнику	59
«Ожидание встречи с тобой...»	60
«Слышала, вы железный человек...»	61
Дом у реки	62
Ледостав	63
Последний рейс	64

Снег в городе	65
Рябина	66
Среди зимы	67
Весною	68
«И вот он грянул, ливень с высоты...»	69
«Вот опять надрывается сердце...»	70
Спутница	71
Женщинам , ...	72
Бальное платье	73
«Приходила я сюда в те дни...»	74
«Здесь различишь еще мои следы...»	75
«За оврагом березы стыли...»	76
Чужая яблоня	77
Сельский музей	78
«В ожидании снега завяли цветы на куртинах...»	79
Гусь-Хрустальный	80
Погоня	81
«О, это невысокое окно...»	82
«Я улетаю в Кукобой одна...»	83
«Я ожидала: скоро ли придешь...»	84
Подруге	85
«Здесь в пруду зеленом...»	86
Вышина	87
Письма осени	88
От имени доброты	89

СИНИЕ ЗАВОЛЖСКИЕ КРАЯ

«Я из провинции далекой...»	91
Сортировка	92
«Я радуюсь, как за свою судьбу...»	93
Родина	94
Богатство	95
«Мне страда осенняя запомнится...»	96
Сказка	97
Соловьиная ночь	98
«Все дела у бабки непочатые...»	99
Стог	100
Речка Ить	101
Пробуждение	102
Жаворонок	103
Названья деревень	104
«С единственною улицей деревня...»	105
Зимняя дорога	106
Бабушка	107
«Умирают зимние березы...»	108

«Улеглись метели...»	109
Первый лед	110
Встреча	111
У озера	112
Стрекоза	113
Тропинка	114
Глухомань	115
«Я вышла из избы и поняла...»	116
«За какие заслуги, не знаю...»	117

СВЯЗЬ ВРЕМЕН

Город мой	118
Матери Н. А. Некрасова	119
Зимнее солнце	120
Встреча с красотой	121
Старинное	122
Вечерний экспромт	123
На просторе	124
«Все мимолетно в мирном уголке...»	125
«Почти устарели и «тренет»; и «прелесть»...»	126
Упрямство	127
Последний урожай	128
Ночное ожидание	129
Саманный дом	130
Светлая поляна	131
Воспоминание о прогулке в горы	132
Дошедшее из древности	133

ВОСТОЧНЫЙ БЕРЕГ

Пропуск в море	134
Взаимосвязь	135
Детство	136
«Я прятала портфель под камень...»	137
«То ей хуже, то снова полегче...»	138
Стрижи	139
Рыбачье утро	140
Глубинный лов	141
«Вот зеленою краской забор подновил...»	142
Южный город	143
Цветы с корабля	144
Неспокойное море	145
Слово о Керчи	146
Первый пароход	147

Аджимушкай	148
Верность морю	150
Давние места	151
Дыхание моря	152
Акация	153
«Мы в старом доме сделали ремонт...»	154
«Мне здесь еще пожить бы...»	155
Родство	156
Краб	157
Люди и дельфины	158
Дождь в Крыму	159
В непогоду	160
Бахчисарайский фонтан	161
На аукционе	162
Над карьером	163
«Нет, все-таки не вздыбленное взгорье...»	164
Поселок	165
Зпой	166
Рыжий вор	167
«Дотерпеть бы мне...»	168
На родном берегу	169
После шторма	170
На пристани	171
«Когда уходят в море корабли...»	172
Имя дерева	173

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Тщеславный ручей	174
Басня о пауке	175
Сложная натура	176
Восьмого марта	177
Идол	178
Двое на мосту	179
Черемуховый холод	180
Сила привычки	181

МАЛЕНЬКИЕ ПОЭМЫ

Жар-птица	182
Соседка	188
Долгий свет	192
Счастливым плес	196

Эмма Васильевна Марченко

ПРОПУСК В МОРЕ

Редактор **О. Н. Николаев**
Художественный редактор **Н. Н. Миролубов**
Художники **Е. А. и Г. В. Соколовы**
Технический редактор **Т. Н. Яковлева**
Корректор **Л. И. Колесова**

ИБ № 931

Сдано в набор 27.11.86. Подписано в печать 2.02.87. АК02504.
Формат 70×90/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Усл. кр.-отт. 7,91. Усл. п. л. 7,61. Уч.-изд. л. 5,95. Тираж 5000. Заказ 109. Цена 60 коп.

Верхне-Волжское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

150000, г. Ярославль, ул. Трехфолева, 12

Типография № 2 Росглавополиграфпрома, 152901, г. Андропов, ул. Чкалова, 8.